

Юрий Шубик

(врачебные байки)

ДОКТОРСКАЯ КОЛБАСА

(врачебные байки)

А почему бы, собственно, и не «докторская колбаса»? Что вы имеете против? По-моему, очень подходящее название. Докторская – потому что это врачебные байки, истории доктора. Колбаса – потому что, как и в колбасе, в этих байках много чего намешано: и «скорая», и клиника, и институт, и конференции... Даже горы. Тем более что настоящая докторская колбаса – это, безусловно, качественная штука. Конечно, если делать ее в соответствии с технологией, без отклонений, по ГОСТу. Между прочим, ее производство было начато еще в недоброй памяти 1936 году по личному распоряжению наркома пищевой промышленности товарища Микояна «для поправки здоровья лиц, пострадавших от произвола царского режима». А состав? Это же музыка: 25% говядины высшего сорта, 70% полужирной свинины, 3% яиц и 2% коровьего молока! Но, правда, это тогда, больше 70 лет назад. Никакой тебе сои, стабилизаторов и прочей гадости. Хочу, чтоб и мой продукт был таким же качественным.

Должен сказать, что качество продукта зависит не только от автора. Я глубоко признателен за помощь и участие в появлении этой книжки, а также ее краткого варианта в журнале «Звезда» в сентябре 2009 г., Якову Аркадьевичу Гордину, Латифу Кожахметовичу Казбекову, Марату Латифовичу Казбекову, Евгению Юрьевичу Каминскому и Елене Ивановне Петровой.

«Скорая помощь».

*Простому доктору «скорой»
Сан-Санычу Бурдынскому,
который научил меня ничего не бояться.*

«Скорая», «скорая», курс молодого бойца... Давно хотелось что-нибудь написать про работу на «скорой помощи», хотя это и неоригинально: немало уже написано. Еще молодым доктором думал, как опишу один из первых своих вызовов к двоим гражданам-любителям спиртного, которые отравились метиловым спиртом. Знаете, при этом есть характерный такой симптом, когда зрение становится сумеречным, темнеет в глазах. Рассказ так и должен был начинаться: «Смеркалось...». Дальше первого слова, однако, дело не пошло.

После окончания института честно по распределению отработал на «скорой» почти 4 года, все четыре – врачом бригады интенсивной терапии. БИТ – серая кость: не белая (кардиологи, неврологи, реанимационно-хирургическая бригада, токсикологи и другие «узкие специалисты») и не черная (обычные линейные «неспециализированные» бригады). Где каких спецов не хватает – туда и едем. Ну, ясное дело, всякая разная кардиология – инфаркт, отек легких, кардиогенный шок, нарушения ритма. Но кроме этого – все что угодно. Любая тяжелая травма, автомобильные аварии, «из под поезда», «из под трамвая», отравления, ножевые ранения, «огнестрелы» (тогда, правда, это редко было), разнообразные суициды

(от повешения до таблеток), утопления... Особый напряг для «взрослого» доктора – конечно, педиатрия, особенно новорожденные. В общем, работай, молодой специалист, набирайся опыта.

Сейчас ощущение такое, что эта моя работа на «скорой» была практически непрерывной, краткие промежутки между сутками «пахоты» вспоминаются с трудом. Самое большое счастье, помню, это вызов на пожар. Стоишь себе, дежуришь. Вот сколько горит, столько и отдыхаешь. Редко когда какой служивый дыма наглотается, спросит таблеточку. Но обычное дежурство – 15-20 вызовов, полчаса на обед. На Купчино – питерский район почти в полмиллиона жителей – один БИТ (почему-то мужского рода). Работа по обычному графику: сутки через сутки – сутки через двое, 12-13 суток в месяц. Кушать-то хочется, семья! Домой пришел – коляску с ребенком в зубы, работай папой. Вывалишься с коляской на улицу, добредешь до ближайшей скамейки – провал – кто-то трясет за плечо: «Папаша, просыпайтесь, у вас ребенок плачет»!

Любой доктор или фельдшер «скорой помощи» – кладезь всяких историй: оно и понятно, такая работа. Но с чужих слов истории рассказывать не хочется. Про ужасы всякие – тоже не буду: по-моему, это неинтересно. Не вспоминать же, как благодарный больной пытался меня зарезать, чтобы наркотики отобрать, или как другой, с бредом преследования, гаечным ключом по голове бил, или в какие мы аварии попадали?

Лучше расскажу про мою первую взятку. Очень хорошо помню (еще студентом был, на «скорой» подрабатывал) бабушку с почечной коликой,

которая после инъекции атропина с но-шпой торжественно достала из холодильника и вручила мне эскимо за 11 копеек. Я его съел с чувством глубокого удовлетворения и гордости за хорошо сделанную работу.

Случались и более экзотические подношения. Ну, скажем, вот такая история. Пожилая женщина. Гипертонический криз, ничего особенного. Инъекции делаются, артериальное давление снижается, рекомендации даются – все как всегда. Прощаемся. Вдруг из соседней комнаты выходит здоровый парень, не совсем трезвый. Как выяснилось – сын, он же – причина гипертонического криза. В руках – авоська с консервными банками. Нетвердым голосом говорит: «Реб-бята-а, я в Мурманске на консервном заводе работаю. Возьмите от чистого сердца, это мы для себя делаем!» Долго отказываемся, но потом понимаем, что дешевле взять у него, пьяного, эти несчастные банки. Садимся в машину, рассматриваем взятку. На банках написано: шпротный паштет. Да-а-а, это даже в 80-е годы – не супер. Однако, попав, наконец, ближе к ночи на станцию и как следует проголодавшись, садимся пить чай. К этому времени уже неважно: паштет так паштет. Открываем баночку – тресковая печень! Точно: для себя делали.

А какие замечательные человеческие типы мелькают перед доктором «скорой»? Без преувеличения, от министра до бомжа. Неизвестно, кстати, с кем общаться приятнее. Отдельная головная боль – если тебя, не дай Бог, вызывают к доктору. Еще хуже – родственники-врачи. Это как в старом анекдоте: армянское радио спрашивают, можно ли изнасиловать

женщину в людном месте. Нельзя – отвечает армянское радио: советами замучают. Один из первых моих таких визитов – к коллеге-хирургу, у которого после длительного запоя и последующего краткого воздержания, как и положено, развился алкогольный делирий. Ну, в смысле, белая горячка. Диагностических проблем – никаких. Видит человек маленьких чертиков, этак брезгливо их с себя стряхивает. И при этом подробно объясняет, что мы должны делать. А всего-то и просит, бедный, чтобы мы помогли чертиков собрать в заранее приготовленный им мешок и увезли бы их куда-нибудь. А уж дальше он как-нибудь сам. Но при этом – вот что значит высшее медицинское образование – постоянно приговаривает: «Коллеги, я знаю, что их нет, но я же их вижу!»

Еще одна любопытная тема для баек – диагностические ошибки. Мне, правду сказать, везло: ошибался я очень редко, а если случалось – без печальных последствий. Но, поднимая такую деликатную тему, конечно же, начать надо с себя-любимого. Очень запомнился случай, когда мне самому пришлось вызвать в помощь специализированную неврологическую бригаду. Мы приехали к 20-летней девушке, инвалиду I-ой группы с детства из-за последствий черепно-мозговой травмы. Она была без сознания. Мама сказала, что дочка, доставая с полки банку с вареньем, внезапно почувствовала себя плохо, еле дошла до дивана, легла и «отключилась». Нужно сказать, что есть много неврологических симптомов, позволяющих в такой ситуации поставить правильный диагноз. Конечно, они мне были знакомы. Но эти симптомы – они или есть, или нет. А тут? Ни-

чего не могу понять. Проверяю все по очереди, причем не один раз. Вроде нет симптома. Смотрю еще раз – появился: ну, чудеса просто! В общем, едва ли не в первый раз вызвал в помощь неврологическую бригаду. И вот заходят доктор-невропатолог и фельдшер, здороваются (мы знакомы, естественно). Я рассказываю о своих диагностических муках. А доктор, вместо того, чтобы принять деятельное участие в спасении больной, начинает смеяться, а если откровенно – просто ржать. Я, естественно, собираюсь обидеться, но не успеваю. «Леночка – говорит невропатолог, даже не подойдя к пациентке – перестань дурака валять: ну, что ты доктора пугаешь». И Леночка, зараза, открывает глаза и говорит капризно: «А меня мама не будет ругать за то, что я банку с вареньем разбила»? Выяснилось, что такое представление она устраивает не в первый раз: чтобы мама не ругала. А поскольку больна она всю жизнь, то неврологические симптомы знает лучше любого доктора и изобразить их ей – раз плюнуть.

Одно время (буквально на несколько месяцев) меня уговорили поработать на моей родной подстанции «скорой помощи» начмедом: работа сугубо бумажная и, на мой вкус, необыкновенно скучная. В обязанности начмеда входит, в том числе, и разбор диагностических расхождений между «скорой» и стационаром. Одно из таких расхождений запомнилось навсегда. Доктор нашей подстанции доставил больного в инфекционную больницу имени Боткина с диагнозом «острая дизентерия», а через два часа этот больной был переведен в другую больницу с диагнозом «закрытая черепно-мозговая травма». Никаких разумных объ-

яснений тому, как доктор умудрился так «промазать» с диагнозом, мне получить не удалось.

А вот еще одно анекдотическое расхождение диагнозов. В то время, когда я работал на «скорой», городской токсикологический центр находился в 10-й больнице на Пионерской улице. В «токсикологию», как известно, привозят больных с разными отравлениями. Вот и я однажды в очередной раз оказался там со своей бригадой именно по этому поводу: мы сделали коллегам подарок в виде отравленного карбофосом. Почему-то домохозяйки предпочитают держать это замечательное средство от насекомых в бутылках из-под коньяка. По цвету – один в один. Пока несчастный алкаш поймет, что это жена от него не коньяк спрятала, хотя бы один глоток сделает. Тут же поймет, конечно, по запаху, что это не алкоголь, да поздно: смертельная доза, если я правильно помню, граммов пять.

Ну, сижу в приемном покое, заполняю историю болезни, одновременно болтаю с токсикологами. Вдруг слышим – еще одна «скорая» подъезжает. В окно видим, как выходят молодые совсем ребята, доктор и фельдшер. Выкатывают они из машины носилки с больным, перекладывают его на больничную каталку, завозят в больницу и, соответственно, исчезают из нашего поля зрения. Зато в этот самый момент появляется и стремительно нарастает сильный резкий запах, который «перебивает» даже запах карбофоса от нашего больного. Перепутать этот аромат ни с чем невозможно. Поэт сказал бы, что это запах полей, запах цветущей степи,

запах полыни. Мы с токсикологами, люди приземленные и сугубо прагматические, сразу поняли, что – да, полыни. А точнее – настойки полыни горькой: она настаивается на 70% спирте. Причем, судя по «силе духа», клиент принял пузырьков десять, никак не меньше. Отравиться этим, естественно, нельзя. Поэтому, как только ребята вкатили каталку, последовал вопрос: «Что везем, доктор»? Молодой коллега сумел-таки удивить видавших виды токсикологов: «Отравление неизвестным ядом!» – гордо ответил он.

Вот что на «скорой» всегда радовало, так это разнообразие. За одни сутки можно было побывать, скажем, на режимном предприятии типа НПО «Ленинец» и Ленмясокомбинате, в театре и паровозном депо, ресторане и музее, в школе и на крыше жилого дома, в НИИ и магазине... даже на подводной лодке. Мясокомбинат, конечно, был предпочтительнее: после такого вызова вкусной еды хватало всей станции «скорой помощи» до конца суток. На «Ленинце» и в некоторых других серьезных «ящиках» нас встречали как родных, то есть повсюду сопровождала вооруженная охрана, чтоб мы у них какой-нибудь секрет не увезли в нашей большой медицинской сумке. А на выезде обязательно обыскивали больного, которого увозила бригада «скорой», даже если он был без сознания. Спасибо, что нас не трогали.

Это самое разнообразие приводило порой к забавным казусам. Представьте себе вполне банальный для БИТ вызов на автомобильную аварию. На Московском проспекте столкнулись два легковых автомобиля.

На «скорой» это называется «автослучай». Неприятная подробность заключалась в том, что к моменту нашего (и еще двух бригад «скорой») приезда один из автомобилей загорелся, а трое пострадавших сами выбраться не могли, так как двери заклинило. Мы их вызволили, конечно, коллективными усилиями. И даже доставили вполне успешно ту больную, которая досталась моей бригаде, в Военно-медицинскую академию. Вот только внешний вид наш после этих приключений никак не соответствовал облику строителей коммунизма. У меня, например, обгорела пола халата, одна бровь и немного волосы. Все то, что не обгорело, тоже, сами понимаете, особенно чистым не было. Коллега моя (в эти сутки мы работали вдвоем, а не втроем) была мне под стать. Поэтому мы с полным правом рассчитывали на то, что после этих приключений нас отпустят «на базу» привести себя в порядок. Но диспетчер Центральной станции объяснил, что не имеет возможности ждать, пока у меня отрастут волосы, так как у него лежит вызов к внезапно ослепшей иностранной гражданке 19 лет в гостиницу «Астория». Проблема для диспетчера заключалась в том, что к иностранцам линейные бригады не посылали, а кроме нас ни одной свободной специализированной не было. Оставалось только сказать: «Ну, тебе же хуже, пеняй на себя».

Ну, дальше, думаю, вы себе представляете: Ленинград – город контрастов, или двое оборванцев во дворце, на фоне швейцаров, мраморных стен, хрустальной люстры, диванов с шелковой обивкой и так далее. В номер к несчастной ослепшей нас провожали аж пятеро швейцаров, и,

кажется, я понимаю, почему. Зато когда мы постучались и вошли в номер, я сразу понял, что девушка не совсем слепая: глаза у нее сделались совершенно квадратные. Видать, у себя на родине она с такими докторами не встречалась. Думаю, более всего мы были похожи, с ее точки зрения, на лису Алису и кота Базилио.

Проблема у девушки, кстати, оказалась совсем пустяковой: эрозия роговицы от контактных линз. Отвезли мы ее в глазной травматологический пункт на Литейном проспекте и с победой вернулись на родную станцию.

При такой нескучной работе обидно бывает, когда тебя вызывают - ну уж совсем «не по делу». Причем, заметьте, не так противно, когда из-за пустяка «скорую» вызывают совершенно искренне испуганные люди. В качестве иллюстрации могу такую забавную историю вспомнить.

Итак, лето, поздний вечер. Наша бригада возвращается с очередного – уж не помню какого – вызова. Едем неспешно на станцию, треплемся. Ну и, ясное дело, получаем следующий вызов. Это совсем рядом с нами, на Софийской улице. Больная 20-ти лет, повод к вызову – «умирает», то есть как раз для нас, для БИТ. Ехать – ну, может, минуту. Подъезжаем, поднимаемся по лестнице, входим в квартиру. Встречает нас перепуганный бледный молодой парень. Спрашиваем, где, собственно, умирающая. Проходим в комнату. На диване лежит девушка, которая для смертельно больной выглядит совсем неплохо. Оказывается – молодожены, и это их первая семейная ссора. Жалобы – классические: руки немеют, в горле ко-

мок, сердце колотится, муж сволочь. Ну, чего уж тут обижаться, жалко ребят. Отправляю своих девушек-фельдшеров в машину: пусть отдыхают, им тут делать нечего. Набираю в шприц 2 кубика реланиума (успокаивающего лекарства) и прошу приготовить соответствующую часть тела для его введения. Но все, как выяснилось, не так просто: девочка смертельно боится уколов.

Если честно, можно обойтись и без реланиума, но жалко потраченной ампулы. Вдвоем с мужем с трудом уговариваем нашу больную покориться судьбе. Пытаюсь сделать укол, но в самый последний момент моя подопечная сильно дергает тем самым местом, которое предназначено для инъекции. В результате, не успев удивиться, «просаживаю» себе палец насквозь! Поворачиваемся с молодым человеком друг к другу и после небольшой паузы начинаем хохотать. Девушка с интересом оборачивается и, видя, как с пальца капает кровь, тихо теряет сознание. Далее, после нашатыря, смеемся уже втроем. Укол, кстати, я ей все-таки сделал.

Вообще-то на «скорой» это называется «ложный вызов», их бывает обычно пара штук за сутки. Особенно неприятно, когда тебя зазря «деграют» ночью. И так-то поспать удастся, прямо скажем, нечасто. Поэтому возникает непреодолимое желание «супостата» наказать. А как накажешь? Рублем – нельзя. Наиболее распространенный способ, ясное дело, нахамить: но это-ж неинтеллигентно. Никогда до этого не опускался.

Еще один несправедливый способ – это какая-нибудь болезненная инъекция: магnezия, например, внутримышечно. Но это тоже – фи-и, гадко.

Более изобретательные коллеги с вызывающими их, к примеру, нетрезвыми гражданами, поступали следующим образом. Госпитализировали их в какую-нибудь очень неблизкую больницу, этак через весь город. Да ночью... Да летом перед разводкой мостов... А в приемном покое больницы пациента без существенных проблем, да еще пьяного, больше чем на час ведь не задержат! И ехать ему обратно совершенно самостоятельно – счастливый путь.

Думаю, что мои способы отвадить граждан от вызова «скорой» по пустякам были более изобретательны. Ну вот, скажем, вызывают нас ночью к молодому мужчине лет 25-ти. Повод к вызову может быть разный, но всегда, естественно, серьезный: «умирает», «посинел», «без сознания». Приезжаем мы быстро-быстро, осматриваем больного и ставим диагноз: ОРЗ (острое респираторное заболевание), температура 37,2. При таких печальных (для нас) обстоятельствах рекомендации могут быть следующими: опустить ноги в таз с теплой водой, накапать туда 40 капель корвалола (важно, чтобы не 39 и не 41) и в течение 4-х часов поддерживать постоянную температуру, 37,0 ровно. Самое главное – внимательно следить, чтобы температура не опускалась до 36,9 или, не дай Бог, не поднималась до 37,1. Проверять – самым обычным термометром – надо каждые 3-5 минут. При таких рекомендациях доктор гарантирован хотя бы от того, что в ближайшие 4 часа его не вызовут повторно. Просто некогда будет.

Или вот еще. Приглашают вас часиков в 12 ночи к пожилому человеку, и повод к вызову тоже какой-нибудь очень неприятный. Родственники

встречают в дверях, в квартиру не приглашают. Говорят, что смотреть больного не обязательно, а им и надо-то всего – вопрос задать. Дело в том, что дедушка очень плохо кушал в течение последнего года, а тут, минут 15 назад, сам попросил куриного бульона. Так вот, что вы, доктор, по этому поводу думаете: можно ли ему дать супчика?

Вот хамить в ответ не надо. Напротив, следует вежливо сказать, что это вопрос непростой и мне не совсем по специальности, так как я реаниматолог. Но я обязательно посоветуюсь с коллегами и Вас, уважаемые граждане, непременно проинформирую. После этого можно спокойно уезжать и сделать еще пару-тройку вызовов. Но часика в четыре – начале пятого утра, по дороге на станцию, следует обязательно заехать еще раз. Нужно долго звонить в дверь, обязательно дожидаться, пока откроет кто-то из заспанных родственников пациента, после чего очень вежливо сказать: «Вы знаете, я проконсультировался со специалистами по поводу Вашего родственника. Куриный бульон давать можно. Всего доброго».

А хотите, расскажу про свой единственный в жизни выговор? Как раз на «скорой» я его и получил, причем, совершенно заслуженно. Надо заметить, что я был очень «правильным» доктором, по молодости – избыточно «правильным». Есть на «скорой» такой неофициальный термин: «отстаиваться». Означает это вот что. Работа у нас тяжелая, как правило, за сутки на станцию приезжали мы всего один раз, ровно через 12 часов: водителя поменять. В отличие от нас им, водителям, не разрешали работать сутками. Может, оно и правильно. Так вот, многие после двух-трех

ночных вызовов не сразу звонили на Центральную станцию о том, что свободны, а прихватывали минут 30-40 и «кемарили» в машине. Даже 30 минут поспать – это большое дело, между прочим. А многие за сутки работы и домой заскакивали, опять же на полчаса: пообедать, например, или уроки у ребенка проверить. Да мало ли... Я, сильно принципиальный, не делал этого никогда. Единственное, что себе позволял – один-два раза в сутки потратить 5 минут и кофейку выпить. Есть на «скорой» такая специальная структура под названием ЛКС – линейно-контрольная служба. Она предназначена для того, чтобы следить за выездными бригадами, поэтому ее, мягко говоря, не любят. Так вот, даже эти ребята меня не трогали, если где-то у кафе видели мою машину. Но однажды я все же был застигнут на «месте преступления».

А дело было так. Есть у меня близкие друзья, муж и жена, которые после окончания медицинского института по распределению поехали работать на Сахалин. Где-то с год, наверно, мы не виделись – вдруг звонок. Мой друг звонит из Южно-Сахалинска и сообщает, что завтра прилетает в Питер: сопровождает какого-то тяжелого больного. Но вечером того же дня – обратно, работа есть работа. А у меня, как назло, суточное дежурство. Ну, попытался я поменяться с кем-нибудь, но ничего не получилось, все заняты. Очень обидно, но делать нечего. Позвонил с какого-то вызова по телефону, поболтали – и все. Однако проходит несколько часов – привозим мы очередной инфаркт в дежурную городскую больницу, в центре. Тут мне мои коллеги и говорят: «Ну не мучайся ты, давай заедем на

полчаса к твоему другу, это же рядом совсем. Хоть словом перекинетесь, оттуда и позвонишь на Центральную станцию». Так и сделал. Поболтали мы минут двадцать. «Отзваниваюсь», а мне говорят: «Обедайте, доктор». Ну, совсем хорошо. Выхожу к своим, говорю: давайте на Суворовский проспект (там была одна из любимых наших столовых), а через полчаса – за мной. Пообщались мы еще полчаса, заодно и поели. По времени моя бригада уже должна меня ждать, поэтому снова звоню на Центральную станцию. Прикидываю, где мы должны в это время находиться, и говорю: «Пообедали на Московском проспекте». И тут меня спрашивают: «А вы где на Московском, доктор? В начале или в конце»? Ну, ни фиги себе вопросы! «В середине» – говорю. – «Ну, тогда возьмите вызов: улица Ярослава Гашека, 4, ножевое ранение». О-па! Пулей выскакиваю из подъезда, а там сюрприз. Вместо одной – моей – машины стоят две. Вторая, как нетрудно догадаться, ЛКС. Оказывается, встретились они у столовой. «Где доктор?» – спрашивает инспектор ЛКС. «Нэту» – отвечают мои коллеги. Ну, тут они все дружно за доктором и поехали: а что делать!?

Так вот, выхожу я из подъезда, даже, скорее, выбегаю, а навстречу мне – инспектор ЛКС. «Покажите – говорит - доктор Вашу последнюю историю болезни». Это он потому спрашивает, что из этой истории должно быть понятно, где я на самом деле должен находиться. «Виноват – отвечаю – целиком и полностью, но разбираться будем потом: у меня вызов в свой район на ножевое ранение». «Нет – настаивает инспектор: прямо сейчас будем разбираться». В общем, поскольку торопился я очень силь-

но, послал я его к ...бениной маме (если вам знакома эта идиома) и поехали мы так быстро, как только могли. Честно говоря, была надежда на то, что ножевое ранение окажется, как это часто бывало, порезом пальца, например. Но нет, и здесь не повезло.

Двое вполне симпатичных и интеллигентных людей, муж и жена, в свой законный выходной день сели обедать. Ну и выпили немножко, чего скрывать. И зашел у них разговор об их родном сыне, двенадцатилетнем парне, который как раз записался в секцию борьбы «самбо». Рассуждали они о том, стоит ли их сыну заниматься именно этим видом спорта. Мама считала, что мальчик принял правильное решение, а папа очень в этом сомневался. «Было бы чему учиться – говорил он. Эти ваши приемы я и так хорошо знаю: вот бей меня ножом». Мама и ударила мужа родного кухонным ножом в живот. Оказалось, приемы папа знал плохо, так что приехали мы на проникающее ножевое ранение в брюшную полость с внутренним кровотечением и геморрагическим шоком. Ну, мгновенно поставили две капельницы с кровезамещающим раствором, укололи дополнительно, что положено, и со свистом отвезли незадачливого самбиста в Институт скорой помощи.

Помогло мне то, что эти ребята, муж с женой, оценив скорость оказания медицинской помощи, написали большое благодарственное письмо на «скорую», хотя никто их об этом, естественно, не просил. Так что отделался выговором, причем, похоже, больше за то, что уж очень далеко инспектора послал. А еще сделал для себя вывод: кому-то можно нарушать

правила, и все сходит с рук, а кому-то нельзя. Мне – нельзя!

Надеюсь, у вас не сложилось впечатление о том, что мы на «скорой» только и делали, что дурака валяли. Вот вам еще байка о вполне серьезной работе: о трахеотомии. В 19-м веке это называли горлосечением. Вообще-то, редкий доктор «скорой помощи» имел в своей практике это счастье, тут нужна большая удача. Необходимость в такой манипуляции возникает нечасто, разве что у педиатров. Ну, валяется у тебя в медицинской сумке такой стерильный пакет, специальный набор для трахеотомии, который на «скорой» называют емким словом «трахнабор». Ну так там много чего валяется. В общем, история такая.

Раннее утро, конец дежурства. График у нас – с 9 до 9 утра. Только что отвезли больную бабушку с инфарктом в больницу имени Коняшина. Едем на станцию, думая о том, успеют нас «дернуть» еще разок или все закончили? До станции осталось метров 100, когда рация привычно заверещала: «30-03, 30-03, возьмем вызов». Да, блин, возьмем, куда мы денемся. – «30-03: Типанова – 4, квартира 91, острая асфиксия, в помощь «неотлоге», поехали!» Объясняю. 30-03 – это номер нашей машины. Улица Типанова – это близко, минут семь. «Неотлога» - это «неотложная помощь». У нее своя работа: боли в сердце, боли в животе, высокая температура... Доктор «неотложной помощи», бедный, работает один. Если зовет в помощь – значит, что-то нештатное: может быть полная фигня, а может быть и правда проблемы. Острая асфиксия – остановка дыхания - вообще-то, повод к вызову серьезный, но более вероятно – что-нибудь типа

приступа бронхиальной астмы, с которым коллеге самому не справиться. В общем, едем, сильно рассчитывая на то, что долго не задержимся и на станции будем вовремя, а то и раньше. Район не наш, соседний. Но - давно работаю - когда называют адрес, перед глазами сразу нужный дом и подъезд. И этаж тоже знаю.

Приезжаем, поднимаемся на лифте. В дверь не звоним, она почему-то открыта. Заходим в комнату: да, «приятная» неожиданность. На «старорежимной» кровати, облезлой, с никелированными шарами, полужелит с головой на подушке и ногами на полу худенький человек, одетый в спортивный костюм. Лицо фиолетово-черное. Не дышит, без сознания. Рядом – доктор, девушка, на вид – ну, лет семнадцати, в растегнутом пальто поверх белого халата. В ушах – фонендоскоп, который она с неизвестной мне целью через каждые пять секунд прикладывает к разным местам спортивного костюма. «Давно»? – спрашиваю. «Что давно»? – дрожащим голосом переспрашивает коллега. «Не дышит, говорю, давно»? «Нет», отвечает доктор. Да, исчерпывающий ответ. «Чем болеет»? Доктор всхлипывает и молчит. Пять секунд на осмотр - зрачки узкие, сердцебиение есть – значит и верно, только что перестал дышать. На горле какие-то рубцы, но где там разберешь, да и когда? Родственников нет, коллега ничего не знает. Самое время произнести уже знакомое вам слово: «трахнабор»!

Одна из моих девушек будто испаряется из квартиры, мы со второй и с доктором быстро подхватываем нашего общего пациента и переносим

его, смахнув скатерть, на обеденный стол, под люстру. Вроде светло, раздеваем больного до пояса. В голове какая-то путаница, обрывки мыслей. Трахеотомию-то живому человеку я никогда не делал, только на трупе тренировался. Что у нас там? Анастезия! Да какая анестезия? Это ж клиническая смерть уже!

В это время появляется, наконец, трахнабор. Ага, скальпель. Теперь кадык: где у него кадык? Где-то здесь. Так, разрез. Крови немного. Угу, клетчатка, фасция, мышцы раздвигаем. Где там щитовидная железа, не вижу. Кровит, не цапнуть бы. Помню, что перешеек – книзу, но где он там? Ладно, все, что вижу – книзу. Вот трахея, ура! Нежно тыкаю скальпелем прямо в середину, и тут же раздается хрип. Девочки мои пытаются, не мешая мне, вытирать кровь, и тут же подают канюлю (это такая трубка специальная). Не столько ввожу, сколько вдавливаю ее в отверстие в трахее: со страху разрез сделал слишком маленьким. Знаю, что это неправильно, можно сломать хрящи трахеи, но «не до грибов»: время... время. Что там у нас дальше? Швы? Нафиг швы, не до них. Говорю своим дамам, чтоб бинтовали плотнее вокруг канюли.

А дядька, смотри-ка, вздохнул с хрипом раз, другой... Дышит! Вот оно, счастье. Так и вижу, как это читает кто-то из хирургов. Не смейтесь ребята: представьте, что вам в руки дали кардиограмму и требуют заключения! Тем временем черное лицо больного становится сначала багровым, потом розовым, потом бледным. Конечно, он пока без сознания, да и как иначе?

Оборачиваюсь. Прошло всего-то минуты три, не больше. Рядом с доктором «неотложки» стоит какая-то женщина. Оказывается – жена нашего подопечного. Плачет. Начинаю расспрашивать, чем муж болел. Всклипывая, достает потертую справку, заклеенную прозрачным скотчем. Ой-е-ей! Справка из Института онкологии. Операция по поводу рака гортани четвертой стадии с последующей лучевой терапией. Да, это еще вопрос, нужно ли было нам самим мучиться и больного мучить. Ну да чего уж теперь.

Тем временем больной, похоже, начал приходить в себя. Глаза открыл, шевелиться начал и даже пытается что-то сказать. Ну, это вряд ли: только шипение раздается, голосовые связки-то удалены. «Отзываюсь» на Центральную станцию. Спрашиваю, куда везти, кто у нас сегодня по ЛОР-болезням дежурит. Дают больницу имени товарища Ленина, это на Васильевском. Да-а-а-а, не близко! А пациент наш становится все активнее. Шипит, хочет что-то сказать, порывается встать со стола, тянет руки к трахеотомической трубке. А вот это уже совсем нельзя. Девочки мои сначала успокаивают его, уговаривают, но, похоже, безуспешно. Да и понятно, почему: ведь долго не дышал. Надо полагать, глубокая гипоксия (кислородная недостаточность) головного мозга и, соответственно, вот такая неосознанная двигательная активность. Удержать его все труднее и труднее.

Прошу жену больного сбегать за нашим водителем и носилками. Появился водитель быстро, но больной-то наш стал совсем беспокойным:

пытается сползти со стола, размахивает руками. Девчонки мои уже практически лежат на нем, чтобы удержать. Включаемся в работу. Берем горемыку за руки – за ноги, перекладываем на носилки, фиксируем специальными широкими ремнями. Хорошо, что лифт грузовой есть в доме. Быстро ставим колеса носилок на направляющие и вкатываем больного в автомобиль. Поехали! Мое место – в кабине. Девушки – рядом с носилками, но с нашим подопечным, вижу, совсем не справляются. О! У одной уже кровь из носа!! Останавливаемся, пересаживаюсь назад. Втроем пытаемся удержать мужика.

Это ж надо, какая глубокая гипоксия! Похоже, совсем без коры головного мозга, бедолага. Надо бы хоть седуксен уколоть, да где там: у всех нас троих руки заняты. Ору водиле: давай быстро! Он включает сирену, «мигалку» и рвет с места. Вообще-то мы «профи», и у нас есть негласное правило: без острой необходимости эту свето-шумовую дребедень не использовать. Под такую музыку приходится ездить раз в неделю, а то и в две, не чаще. Но тут просто выхода нет. Откуда сил столько в таком субтильном человечке? Вырывается он отчаянно. Давно освободился от ремней, размахивает руками и ногами, выгибается дугой, еще и плевать-ся начал. Вот вам разница между теорией и практикой. Меня учили, что при глубокой гипоксии я должен соду капать в вену, кислород давать и т.д. А вместо этого?

По-моему, мы еще никогда так быстро не ездили. Из Московского района на Васильевский – минут за пятнадцать. Въезжаем на пандус при-

емного покоя. Водила выскакивает из машины и помогает нам вытащить носилки. Вчетвером перегружаем дядьку на каталку приемного покоя и, практически лежа на нем, дружно заезжаем в смотровую комнату. Ищу глазами дежурного доктора: вот он, несчастный! Сообщаю, какую радость мы ему привезли. Все! С этого момента больной уже не наш!! С огромным облегчением убираем руки и отпускаем его. Теперь пусть хоть вдребезги все здесь разнесет.

Шипя и отплевываясь, больной вскакивает с каталки, бежит в угол смотровой комнаты и поворачивается к нам спиной. Слышится журчание, по полу растекается лужа.

Журчание прекращается. Больной, продолжая сердито вращать глазами, подходит к каталке и спокойно ложится на место.

Примерно через месяц после того, как перешел работать в городскую больницу, ехидный доктор Гриша Залевский пришел в ординаторскую с большой стеклянной банкой, поставил ее на стол и сказал: «Ну все, дорогой, за каждую историю из жизни «скорой помощи» кладешь в банку 20 копеек». А ведь и, правда, сколько было этих историй! «Скорая» - это ведь передний край, романтика? Угу, она самая! Вот только перемешанная с болью, кровью, грязью, оторванными конечностями, рвотными массажами, смертями, матом, горечью от того, что не смог или не успел кому-то помочь. Но не об этом же писать, в самом деле. К счастью, теперь, спустя 25 лет с лишком, сквозь розовую дымку времени вспоминается больше всякий «цирк». Может, оно и к лучшему: ведь мы договорились, что это байки.

Горы.

*Лене Павлицкой,
которую я никогда не видел.*

Лет десять после того, как перестал ходить в горы, они мне снились. Не мог смотреть фотографии и слайды, если по ТВ говорили о горах – выключал телевизор сразу. В Петроградском клубе туристов – родном ПКТ – с тех пор, как бросил это дело, не был ни разу. Уж очень большое место в моей жизни они занимали. Да и сейчас, пожалуй, званием «Мастер Спорта СССР» по горному туризму горжусь больше, чем званием профессора.

Горный туризм – спорт серьезный. Сначала собирается группа. Возможен сугубо спортивный принцип отбора участников: сильные, выносливые, технически грамотные мужики. Но я так почти никогда не ходил: скучно, порой психологически некомфортно. Всегда считал, что в горы надо идти с приятными тебе людьми, которым ты веришь, с которыми не переругаешься вдребезги за месяц тяжелой работы. Ну, а подготовка к походу высокой категории сложности в любом случае серьезная. Месяцы в библиотеке Ленинградского клуба туристов: смотришь отчеты предшественников, читаешь описания перевалов, которые наметил пройти, рассматриваешь фотографии, достаешь топографические карты всякими неправедными путями. Это сейчас любой картографической продукции навалом. А тогда, в семидесятые-восемидесятые годы, эти карты были

жутко секретные. Попробуйте ксерокс сделать: это вообще подвиг и дело подсудное.

Параллельно с этим пыльным книжным занятием – естественно, физподготовка, тренировочные выезды на скалы в Выборг, Приозерск, Кузнечное, подготовка снаряжения. А потом – утверждение маршрута МКК (маршрутно-квалификационной комиссией), проверка готовности группы контрольно-спасательной службой – КСС. Ну и, наконец, в твоих руках – вот она, маршрутная книжка, официальный документ: можно отправляться в путь. В начале маршрута руководитель должен сообщить о старте в свою МКК и местную КСС лично или телеграммой. То же – по завершении маршрута. Устанавливается контрольный срок, обычно с запасом в 3-4 дня. Это на случай непогоды или других непредвиденных обстоятельств. Если телеграмма об окончании маршрута вовремя не пришла – группу начинают искать. Ну, может, не мгновенно, но дня через три реально начнут. В зависимости от доступности района вертолет могут послать на поиски или спасательный отряд навстречу.

Каждый поход завершался написанием отчета и его защитой в МКК. И по внешнему виду, и по форме каждый такой отчет вполне тянул на кандидатскую диссертацию, а многие и на докторскую, уж я-то хорошо знаю.

Начиная со своего второго похода (в первый-то я попал совершенно случайно), в горы ходил или доктором, или руководителем. Доктор в горном туризме специальность весьма уважаемая. Иметь врача в составе

участников хочет любая серьезная группа. Спорт такой. Как это принято говорить, связанный с повышенным риском для здоровья и жизни. Доктор – это дополнительное чувство уверенности в том, что, в случае чего, шансов выжить больше. На самом деле это, естественно, не всегда так, но в целом – правда. С 5-го курса медицинского института я подрабатывал на «скорой помощи». Для врача, который ходит в горы на достаточно высоком спортивном уровне – это то, что надо.

Мне, конечно, приходилось лечить там, наверху, всевозможные переломы и другие травмы. Но сколько у людей, длительное время находящихся в экстремальных условиях, вылезает прочих болячек – не счесть: ожоги и обморожения, фурункулы и панариции, ангины и бронхиты, пневмонии и отеки легких, аппендициты и прободные язвы, поносы и геморрой... А есть ведь еще такая неприятная вещь, как горная болезнь. От некоторых из этих болячек вполне можно помереть и в городе, а уж наверху – даже бронхит может закончиться печально. Бывает и так, что результат зависит от мозгов, умения и опыта доктора. Думаю, самая моя большая удача заключалась в том, что, набираясь этого самого опыта, я все-таки никого не похоронил. А ведь шансы были!

Одно из ярких воспоминаний в этой связи – поход на Восточный Памир, в район с красивым названием Музкол. Это была «пятерка», то есть поход высшей категории трудности (потом еще «шестерки» появились, но это уже без меня) Добраться туда можно было по знаменитому Памирскому тракту. Он соединяет город Ош в Киргизии и город Хорог в Горном

Бадахшане, в Таджикистане. Его общая протяженность – 700 километров с хвостом. Да что писать, лучше послушайте:

**А зимою трасса белая,
А в июле трасса пыльная,
На подъемы очень смелая,
Аварийностью обильная.**

**Снегопадами известная
И жарюю знаменитая,
Для разъездов очень тесная,
Над обрывами пробитая.**

**Вдоль по этой трассе-трассушке,
Замерзая у обочины,
Все стоят большие камушки
Ледниками порасточены...**

Это Юрий Визбор, «Трасса Хорог-Ош». На его песнях выросли поколения туристов и альпинистов, и я в том числе.

Автобусы по Памирскому тракту, как вы понимаете, не ходят. Основное средство передвижения – 130-й ЗИЛ. Вот в кузове этого замечательного автомобиля мы и начали путешествие. Первую запланирован-

ную остановку сделали недалеко от поселка Сары-Таш, километрах в ста восьмидесяти от Оша. Здесь, в известном нам по фотографиям месте, мы должны были выполнить важную работу. Осмотрелись: далеко внизу, в ущелье, виднелись обломки автомобиля ГАЗ-66. Ровно год назад тут разбилась команда наших ленинградских армейских альпинистов, погибли почти все. Достали переданную нам друзьями и родными погибших латунную табличку с фамилиями, нашли скалу, которую хорошо видно с дороги, и скальными молотками намертво приколотили доску к камню. Сделали фотографии, чтобы передать близким, поклонились ребятам – и дальше в путь.

К концу дня, как следует взболтанные и утрамбованные, мы добрались до первой остановки на озере Каракуль (перевод несложен – Черное озеро). Ну, что сказать? Плохо было всем. Какими бы мы ни были здоровыми и прилично подготовленными, но Ош – это 800 метров над уровнем моря, а Каракуль – около 4000 метров. При таком перепаде высот за короткое время горная болезнь – штука совершенно неизбежная. Голова болела жутко, хотелось заползти куда-нибудь в темный угол и лечь, спрятаться, чтобы тебя никто не видел. Каждый шаг отдавался пульсирующим толчком, распирающим черепную коробку, и чем тверже ты ставил ногу, тем сильнее и болезненнее колыхалась какая-то густая субстанция – расплавленные мозги!? – там, внутри головы. Но мы – ребята опытные – знали, что ложиться нельзя категорически, будет только хуже. Нужно было перетерпеть и обязательно, «через не могу», двигаться. Еду

можно было не готовить, потому что даже мысли о ней вызывали непровольные спазмы в желудке.

Так что мы просто ходили, ступая осторожно, плавно, стараясь не потревожить этот студень в черепе, и обзревали окрестности. А посмотреть было на что – совершенно фантастический пейзаж, больше похожий на лунный, чем на земной. Озеро Каракуль и кишлак с тем же названием лежат на дне огромной чаши-котловины, вокруг – горы. Если слова Средняя Азия, Таджикистан, Киргизия вызывают у вас ассоциации с яркими красками – забудьте, здесь другой мир. Практически никакой растительности, почти ровное плато с небольшими холмами. Постоянный довольно сильный ветер, то тут, то там возникают пылевые такие смерчи высотой от нескольких метров до нескольких десятков метров. Это потрясает своей обыденностью: ты же об этом знаешь из книжек и кино как о стихийном бедствии. А тут – вот он, смерч, в пяти метрах, появляется прямо на твоих глазах, набирает силу...

Но главное, конечно, озеро: огромное, черно-синее, в белом окаймлении. Мы сначала подумали, что это лед, но оказалось – еще и соль. Вода, несмотря на ветер, гладкая, без волн, отвратительного горько-соленого вкуса. Почему-то сразу стало понятно, что озеро мертвое, никакой живности в нем нет и быть не может. Наверно, потому, что повсюду на берегу были разбросаны скелеты животных, в основном яков, лошадей и собак, обтянутые шкурами. На такой высоте, да при влажности 50%, при 20 миллиметрах осадков в год, трупы не разлагаются, а вы-

сыхают, мумифицируются. Впечатление такое (а может и в самом деле), что они здесь с того времени, когда Памирский тракт был частью Великого Шелкового Пути.

Поспать мы толком не смогли: так, подремали немного. А утром – в кузов ЗИЛ'а, нужно ехать дальше. Еще полдня пути, и вот она, отправная точка: наш 180-километровый маршрут начинался прямо от Памирского тракта. Никогда раньше не приходилось начинать поход с высоты 4300 метров. До конца дня мы успели подойти к первому нашему перевалу и разбили лагерь. Вот на этом самом месте руководитель группы и пожаловался впервые на сухость во рту и небольшой кашель. Ну, что такое небольшой кашель для курящего человека? Никто из нас к этому серьезно не отнесся. Я, конечно, посмотрел на всякий случай горло, послушал легкие – без проблем. Рано утром мы двинули наверх. Первый на маршруте перевал – это всегда тяжело вдвойне. Технически он был совсем простой, не требовалось ни крючьев, ни веревок. Но стартовый вес рюкзаков – за 40 кг, а высота перевала – за 5000 метров. В общем, мы довольно быстро поняли, что в лучшем случае заночуем под самой перевальной седловиной, где-то на высоте 5100 метров. Так и вышло: начальник наш шел все хуже и хуже, кашлял все больше и больше. Не помогло даже то, что мы освободили его от груза, разделив его на восемь (по числу остальных членов группы) частей.

Ну вот, остановились мы, выложили из каменных плит площадку, поставили палаточки. Быстро вскипятили воду, заварили чай. На такой

высоте, правда, он не очень горячий: температура кипения воды – чуть за 80 градусов. Смотрю – а руководитель-то плох совсем! Лицо белое, губы синие, пульс – за 130, одышка: частота дыхания ближе к 40 в минуту. Слушаю легкие – «сюрприз»: двухсторонняя пневмония. Вот тут как раз у меня хватило мозгов понять, что, как бы замечательно я начальника ни лечил, ночь на такой высоте он не переживет: еще чуть-чуть – и отек легких, собственно, он уже начинается. Нужно его срочно вниз! Вот примерно так, конспективно, я изложил это все остальным ребятам. А дальше – быстренько, что положено, уколол, антибиотики дал, мгновенно собрались – и в полной темноте бегом вниз. Бегом – это, конечно, сильное преувеличение. Во-первых – не видно ни фига, во-вторых – килограммов по 45, не меньше, все-таки за плечами, в-третьих – шеф без груза передвигается сам, нести его не надо, но вот с двух сторон приходится поддерживать.

К утру только через пень-колоду спустились к подножию перевала. Смотрю – на высоте 4300 начальник наш, несмотря на ночь пути, просто ожил: порозовел, одышка гораздо меньше, пульс – в районе сотни. В легких хрипы есть, но с тем, что было – не сравнить. Отлегло, для жизни это уже не опасно. Передохнули мы, поели, чаю попили и ближе к вечеру вернулись потихонечку к отправной точке, к Памирскому тракту. Там прямо у дороги мы поставили палатки, переночевали и провели весь следующий день. Я занимался здоровьем руководителя, а все вместе мы думали, как быть дальше. С одной стороны, шефа надо в больницу, это понятно.

С другой – обидно. Год тренировались, готовились, маршрут заявили на первенство Советского Союза. Решили так: ждем попутной машины и начальника с двумя сопровождающими отправляем в больницу, в город Мургаб. Это самый высокий город СССР (а теперь СНГ) на высоте 3600 метров, население – аж 4 тысячи киргизов и таджиков. До него примерно полдня пути. Ну, а оставшиеся шестеро все-таки продолжат (а точнее, начнут заново) наше путешествие. Так и сделали.

Короче, мы прошли этот маршрут: ох, с каким трудом, но прошли. Времени потеряли много на старте, поэтому чуть сократили его. И с едой у нас были – ну очень большие проблемы. Вспомогательная группа делала нам так называемую «заброску» - продукты на середину нашего пути. Дело в том, что утащить на себе продукты на 30 суток маршрута практически невозможно. Ведь «не хлебом единым»! А крючья, скальные и ледовые, а карабины, а веревки? А примусы (или, как говорят туристы, примуса)? А бензин? А, простите, личные вещи, не говоря уже о всяких мелочах типа аптечки, ремонтного набора, спальников? «Стартовый вес» наших рюкзаков и так обычно за 40 кг. Поэтому в сложных, длительных высокогорных маршрутах принято делать «заброски» в определенные точки пути. Иногда это делает вертолет, иногда – сама группа заранее (во время акклиматизации), а иногда – вспомогательная группа.

Так вот, пришлось нам без этих продуктов обойтись, поскольку маршрут мы из-за дефицита времени слегка изменили и к месту «заброски» не вышли. А кушать хотелось... На последние 10 дней похода у нас ос-

тавалось 120 граммов продуктов (сухарей и крупы) на человека в день. Подножного корма – никакого. Музкол – пустыня, только поднятая вверх на четыре с половиной километра. Камни и лед, лишь изредка – чахлая травка. Облизываясь, смотрели мы на архаров – горных баранов – с их огромными, закрученными в спирали рогами. Но это была недостижимая добыча, хотя подходили они совсем близко.

А вот кто раздражал ужасно – так это сурки. Их было много, они постоянно, словно издеваясь, пересвистывались. Бегают вокруг мяса, а как достанешь? Вылезает утром из палатки, а вокруг эти свистящие столбики. Однажды не выдержал, швырнул в такой недалекий столбик камень и... попал!!! Это был праздник. Мы устроили дневку, сварили добычу, поделили на шестерых и съели без соли (она у нас тоже кончилась). Во время приема пищи я развлекал моих товарищей описанием симптомов разных форм чумы, переносчиками которой, как известно, являются блохи, паразитирующие на этих замечательно вкусных животных. Но такие мелочи никого не волновали. Думаю, даже если бы мы точно знали, что сурок заразный, все равно съели бы: а вдруг не заболеем? Потом мы еще много раз пытались камнем «завалить зверя», но, видать, такое случается лишь однажды.

Долго ли, коротко ли, но прошел без малого месяц, и все там же, на Памирском тракте, мы закончили наш маршрут. И тут нам снова повезло: всего через два часа – попутная машина. Да не просто машина – ГАЗ-66 геологической партии из Ленинграда! Двое молодых ребят вылезли из ка-

бины, посмотрели на нас, дистрофиков, и сразу сказали: мужики, лезьте в кузов, у нас там тушенка. Ешьте, сколько хотите. Думаю, посмотреть землякам было на что. Впоследствии оказалось, что у меня за месяц было минус 25 килограммов, но я-то был толстый, стартовый вес – 95 кг. А вот мои товарищи, изначально худые жилистые парни, они, конечно, производили впечатление. Зря нам разрешили есть вволю. Я как доктор коллектив сдержать не мог, да и себя, если честно, тоже. За несколько часов дороги до Мургаба мы съели ровно один ящик говяжьей тушенки. Они до сих пор у меня перед глазами, эти жестяные банки в солидоле, 24 штуки по 525 грамм. И отдельно, сбоку в ящике, стопка этикеток с коровьими мордами.

С медицинской точки зрения ничем хорошим этот пир закончиться не мог. Так и оказалось. Но неприятности с животами начались только на следующий день, да и аптечка моя была составлена с учетом такой ситуации. Зато в городке мы сразу разыскали наших друзей, которые почти месяц ждали и волновались. Руководитель с попой, все еще синей от укулов, чувствовал себя прекрасно. Отпраздновали встречу коллективным посещением кинотеатра (в Мургабе был кинотеатр, цивилизация!), где посмотрели старый французский фильм «Три мушкетера» на таджикском языке. Без титров.

К чему я это все? В горах, на большой высоте, от легкого кашля до пневмонии и отека легких – меньше суток. А, скажем, выше шести, еще хуже – семи тысяч метров – это несколько часов! Нам здорово повез-

ло, далеко не всегда в горах есть возможность быстро спуститься вниз. Сколько я и мои друзья знаем трагических историй. Да и статистика есть вполне официальная: ежегодно несчастные случаи происходят примерно с каждым двухсотым горным туристом, чуть меньше половины этих случаев – совсем печальные. Но это касается только спортивного туризма. А сколько еще «гробится» плохо подготовленных разгильдяев, которые нигде не регистрируются? Их начинают искать только тогда, когда родственники спохватываются.

Много работы бывает у доктора в горах. Приходилось мне останавливать сильные кровотечения, шить рваные раны, накладывать лубки и шины... А что после этого? После этого пострадавшего надо доставить вниз. Хорошо, если больной может хоть как-то идти сам. Но часто его ведь нести надо. Иногда с этой задачей могут справиться его коллеги по группе, но порой приходится вызывать спасателей, на то и существует КСС. А если нести вниз надо погибшего товарища – это тоже спасработы. Что ж, расскажу, пожалуй, о своих последних, необычных спасработах. Это тоже была «пятерка» и тоже на Памире, но не Восточном, а Центральном, в районе пика Коммунизма.

Поход давно уже перевалил за середину, больше двух недель мы были на приличной высоте. В тот день, о котором рассказываю, мы поднялись на самый сложный наш в этом походе перевал. Нашли тур, сложенный из камней, достали «перевальную» записку предшественников (три года она лежала), написали свою и спустились вниз метров на 50

до первого сложного участка, где надо было вертеть ледовые крючья и вешать веревки. Сидим. Перекусываем. У каждого кружка горячего бульона. Ведем неспешную такую беседу о том, что если поторопимся, если пройдет спуск «штатно», то можем успеть завтра к ночи добежать до поляны Сулоева (это как раз под пиком Коммунизма), а там, у альпинистов, даже баня есть!

И только мы решили, что, пожалуй, успеем, как единственная женщина в группе Галя печально так произносит: «Не-а, ничего не выйдет». «Да ты чего, Галка, говорю: засветло спустимся с перевала, завтра день бежать до поляны, вроде, успеваем»? «Нет, – стоит на своем, - проблемы у нас». А сама смотрит печально мимо меня. И тут мы все понимаем, что не просто так она это говорит и смотрит в сторону. Там, метрах в трехстах, влево и вниз, какая-то черная точка. И это совершенно неправильно: там, где мы в этот момент находимся, все может быть или коричневым (скалы выше нас), или белым (снег вокруг нас), или голубым (лед под нами). Раз «оно» черное, то это, скорее всего, человек. А раз «оно», сколько ни посмотрим, не двигается, то, скорее всего, труп. Стало быть, мы «приехали». Высота – больше 5000 метров, стенка, которую нам предстоит пройти, метров 500. Да не самим пройти со страховкой, а с грузом. В горах ведь, если есть хоть какая-то возможность погибшего доставить вниз, это надо делать.

Ну, подходим, не спеша, чего уж теперь торопиться: точно, не ошиблись. Парень лет тридцати, в пуховой куртке и пуховых штанах, в «кош-

ках», с рюкзаком, ледорубом на темляке вокруг руки. Лежит головой вниз, и шея вывернута так, что доктором быть не обязательно: понятно, что упал во-о-о-н с той вершинки, пролетел метров 400 и сломал шею. Даже, в общем, ясно, почему упал: одна штанина разорвана. Видно «кошкой» за нее зацепился. Ну и понятно, почему он тут лежит: видно, одиночка. Есть такие суровые мужчины-экстремалы, которые в горы ходят сами по себе. Это, конечно, круто, но если что случится – помочь-то некому. Как раз тот самый случай. Вообще это, по-моему, не совсем нормально. Мы ведь тоже в горы уходим, в том числе и для того, чтобы от людей отдохнуть. Но все-таки не по одному, группой! А вот так, один на один с Памиром, на сотни километров вокруг? Это ж как его, бедного, окружающие «достали»? Вытащили из рюкзака документы: парень из Ижевска. Вместе с документами – толстая клеенчатая общая тетрадь в клеточку, 96 листов, исписанная наполовину. Ну, спуск начинать поздно уже. Первым делом сделали «кокон». Это печальное такое занятие, когда покойника пакуют в спальник и туго обвязывают реп-шнуром (такой специальной тонкой плетеной веревкой толщиной 4 или 6 миллиметров) для последующей транспортировки. Потом повесили первую веревку для утреннего спуска, чтобы завтрашнее время сэкономить. Ну, а там – вырубили в плотном снегу-фирне ледорубами площадку, палатки поставили, приготовили ужин, забрались в спальники. Спирту по ложке: помянули парня. В рюкзаке у него сигареты нашли, закурили: свои-то кончились давно. Спать, вроде, надо, а не спится. Завтра тяжелый спуск. И опасный, все понимают. По льду-то

еще ладно: тяжело, медленно, но уж как-нибудь. А вот потом скальный кулуар, где бежать надо быстро, потому что камни летят. А где ж тут побежишь, с грузом-то? Так и не заснули. Достали общую тетрадь, это дневник оказался. Вроде, нехорошо читать чужие личные записи, да уж ему-то все равно! А парень день за днем чуть ли не по минутам описывал все свои ощущения в мельчайших подробностях. Писал не о том, что вокруг видит, а о том, как его организм функционирует в экстремальных условиях высокогорного Памира. Основное внимание тому, как желудочно-кишечный тракт работает, на какую пищу как реагирует. Практически учебник гастроэнтерологии. В общем, так ночь и прошла.

А с четырех утра – работа, да какая работа – пахота. Мороженые, сбитые в кровь пальцы. Кожа прикипает к железу ледобуров (это крючья такие ледовые, в виде штопора, но полые внутри) и карабинов, если снимаешь перчатки: минус 30 примерно. А спустить «кокон» надо как можно ниже, пока солнце не выглянуло. Пока темно и холодно – камни вмерзли в лед, сидят крепко. С первыми лучами солнца – полетят, родимые. И чем больше солнца, тем больше камней. Так что - ой как торопимся! Через каждые тридцать минут спуска пять минут отдыха. Таких «тридцатиминуток» должно быть примерно десять-одиннадцать. Склон крутой, практически стена: в среднем градусов 45, не меньше. Двое первых вворачивают крючья и вешают веревки; двое средних – вместе с «коконом», следят, чтобы он ни за что не зацепился; двое последних – удерживают «кокон» на страховке.

Ну, вроде самое тяжелое позади, лед закончился. Дальше – некрутой скальный кулуар, метров четыреста. А там – ледник, уже совсем просто: ровное место, немного трещин. Правда, солнце уже светит во всю, камни начинают свистеть не на шутку. Тем быстрее надо бежать! В кулуаре страховка не нужна: четверо тащат на петлях реп-шнура «кокон», двое отдыхают. Надо бы наверх поглядывать, но вот же он, ледник, безопасное место, рядом совсем...

Камни!!! Даже не понял, кто закричал. Бросаю свою петлю репа и между двумя ударами сердца прыгаю-лечу-падаю за скалу. Лицом в камни... Не больно... За спиной даже не стук камней – утробный нарастающий и тут же стихающий гул: с таким звуком электричка подходит к платформе. Тишина... и животный страх: что с ребятами? Только сейчас поворачиваюсь лицом к скальному желобу, где мы только что шли. А его нет. Засыпан камнями. А ребята? Кто слева, кто справа, как тараканы из щелей, выползают: все живы! Галка, Костя, Гера, Сашка, Володя... все! Как по команде начинаем смеяться. Коллективная такая истерика, в пору бить друг друга по роже.

Это Косте спасибо, он увидел камнепад, он крикнул. Перебивая друг друга, объясняем сами себе, что случилось. Во-первых, расслабились: финиш близок, никто наверх не смотрел. Во-вторых, от ледника откололся кусок размером с «Икарус», упал точно в кулуар и полетел вниз, увлекая за собой камни. То есть это был и не ледопад, и не камнепад, а что-то «комплексное». Ну, так голове, ей ведь все равно, камнем по ней или кус-

ком льда. В-третьих, живы мы чудом: как все, ВСЕ!!! успели разбежаться – не понимаю. Вот теперь становится больно: лицо разбито. Отношусь к этому как к большому подарку. У остальных – только синяки. Да! А «кокон»? Поднимаемся по кулуару метров на десять («рассыпались»-то мы влево и вправо, но при этом, естественно, вниз), туда, где бросили петли реп-шнура. Ого... и следа не видно. Полтора часа коллективных раскопок, и вот он, краешек спального мешка. Еще минут сорок, и достаем его весь.

Ну, что ж, до ледника минут десять-пятнадцать, там отдых. Идем на самом деле верных полчаса, потому что постоянно оглядываемся назад и смотрим вверх: вдруг еще что-то «прилетит»? Да и руки-ноги слегка трясутся. Уф-ф, вот он, ледник, здесь уже не страшно. Тащим тело еще метров двести. Все. Дальше не пойдем. Ставим палатки в безопасном месте, готовим ужин, залезаем в спальники. По десятому разу, перебивая друг друга, рассказываем, кто, как и куда уносил свою задницу от камне-ледопада. При этом не забываем, естественно, про макароны и чай (не скрою, вновь со спиртом). Уснули на этот раз практически мгновенно.

Утром решил никого не напрягать, торопиться совершенно не хотелось. Поэтому встали поздно, когда солнце уже светило во всю. Сверху, от перевала, погромыхивало: срывались одиночные камни, но до нас они долететь уже не могли. Вот это ощущение я помню до сих пор очень хорошо: этакая смесь – боль от синяков и ссадин пополам с необыкновенной легкостью от выполненной тяжелой работы и полной безопасностью.

Знаете, на что похоже? Это как папа с мамой тебя простили и выпустили из угла, где ты стоял зареванный после какой-то твоей детской провинности, а завтра у тебя – ну не меньше чем Первое Мая или, того круче, Новый Год.

Приготовили мы завтрак, поели и принялись за последний этап начатой нами вчера скорбной работы. В шесть ледорубов в мягком ноздреватом льду вырубил яму, бережно уложили туда тело в спальнике и завалили сверху сначала льдом, а потом камнями. Сверху укрепили ледоруб: теперь на ровном леднике эту временную могилу видно издалека. Ледник ровный, в этом месте – без трещин. Высота почти предельная, 4000 метров с копейками, но вертолет посадить можно. Наше дело, как добежим до людей, сообщить об этой печальной истории в КСС города Душанбе и передать паспорт парня. А дальше – КСС сообщит родственникам, родственники оплатят вертолет (120 рублей в час, почти моя средняя месячная зарплата), и тело окажется сначала в Душанбе, а потом в Ижевске. И тогда все станет правильно, по-человечески.

Ну, а мы теперь имеем право подумать о себе. Нам почти целый день бежать до поляны Сулоева. Там ждет «заброска», продукты на последнюю неделю маршрута. Это по нашей просьбе мои московские друзья-альпинисты постарались, причем совершенно бескорыстно. Вот к этой «заброске» и несут нас ноги: сначала по леднику в связках, потом по морене, потом по осыпи, все ниже, ниже... И вот, наконец, долина. Камни, чахлая травка, которая постепенно становится гуще. Мелкие цве-

точки – эдельвейсы, крокусы, золотой корень. А вот и первый кустарник – арча. Птички поют, бабочки появились. Но чем ближе к конечной точке, тем больше мыслей о еде, о «заброске». Там, в аккуратных полотняных мешочках, чего только нет: ведь мы знали, что это не на горбу переть, вертолет доставит. Это все то, что в горы обычно не берут, тяжело: тушенка, рыбные консервы, конфеты, орехи... Там – предел мечтаний – большая, стеклянная!!! банка варенья. Это подарок на День рождения одному из нас, сам по секрету от других упаковывал: сюрприз.

Ну, вот она, поляна Сулоева, известная каждому, кто бывал в горах Центрального или Северо-Западного Памира. Вот фанерные бараки – пристанище альпинистов. Вот камень с табличками, в память о погибших при восхождении на пик Коммунизма. И люди какие-то есть, смотри-ка. Сразу надежда: ведь если это альпинисты, то можно рассчитывать на их гостеприимство и, самое главное, баню! Впрочем, надежды наши тают довольно быстро: издалека видно по многочисленным мелким деталям туалета, что не альпинисты это вовсе, а наш брат-горный турист. Подходим, знакомимся. За три почти недели соскучились по людям. Ребята из Волгограда, тоже «пятерка», маршрут свой практически закончили (один простенький перевал остался, как и у нас), отдыхают. Симпатичные ребята, не такие «задрюченные», как мы, уже успели отдохнуть. Большая группа, 11 человек. Для походов 5-й категории сложности это нехарактерно: обычно 6, ну 8 участников. А меньше шести, кстати, и нельзя по нашим законам, это из соображений безопасности.

А ребята радушные такие, у них обед как раз поспел, приглашают присоединиться. Мы, естественно, чинно отказываемся. Говорим, что, мол, у нас этой еды еще – на шестерых три очень больших сухаря и два бульонных кубика, а тут у нас вообще «заброска», и мы ее сейчас доставим, сами их угостим. И тут начинается, как в известном фильме «Семнадцать мгновений весны», аттракцион невиданной щедрости. Помните сцену в поезде, с Тихоновым и Гриценко, когда они угощают друг друга деликатесами? – «Идите к нам, говорят волгоградцы, у нас сегодня к макаронам настоящая тушенка!» – «Подумаешь, говорим мы, у нас в «заброске» тоже есть тушенка». – «Так у вас, небось, свиная», говорят коллеги. – «Нет, говорим гордо, самая настоящая говяжья». – «Зато, говорят волжане, нам альпинисты оставили буханку почти свежего хлеба, а к нему еще у нас есть две банки рыбных консервов». – «Ха, говорим мы: рыбные консервы и у нас в заброске есть».

И тогда эти пижоны решают нас убить: – «А мы вам, говорят, немножко варенья дадим, у нас еще чуть-чуть осталось». И вот с этого места до меня начинает доходить. – «Ребята, говорю, а откуда у вас это все?» – «Ну как, говорят: альпинисты зажрались. Улетели, продукты бросили». Тут до меня дошло окончательно. – «Где именно, спрашиваю, бросили-то»? И эти мерзавцы спокойно называют то самое место, где по нашему уговору с москвичами хранилась наша «заброска». Ну, дальше немая сцена. Ребятам, конечно, с одной стороны сильно неудобно. Получается, что «заброску»-то они украли. С другой стороны, вроде и не виноваты:

последний вертолет улетел, сезон закончен, стало быть – все общее. Ну, не повезло нам. Без обид, как говорится. Стало быть, на совершенно законных основаниях в 17 голодных пастей добываем все оставшиеся деликатесы. Благо, много времени это не заняло. А тут и стемнело, время спать. Но не просто спать!!! После трех недель в палатке, на снегу, льду или скалах – самые настоящие кровати. Нет, вам этого не понять.

Ну, а дальше – что, дальше – утро. У нас еще неделя пути через перевал до первого кишлака, откуда ходят машины. Это уже не спорт: никакой «техники», крючьев, веревок. Просто идти. Неделю. Правда, есть проблема. Даже если будем бежать, то не успеем к контрольному сроку: ведь потеряли, считай, два дня из-за спасработ, а раньше – еще три дня из-за непогоды. Туман сильный, опасно было выходить на перевал.

Что ж делать-то? С коллегой-руководителем посоветоваться, что ли? Иду, советуюсь. А коллега говорит, что они, волгоградцы, собираются добежать до «населенки» за три дня всего! И нас с собой приглашают. Собираю свою группу, устраиваем Совет в Филях. Решаем: идем свой маршрут до конца. Просим волгоградцев при первой же возможности отбить телеграмму, что задерживаемся из-за спасработ. Пишу руководителю волгоградцев на клочке бумаги номер нашей маршрутной книжки и адрес МКК. Адрес КСС в Душанбе он не хуже нас знает. Трогательно прощаемся. Ребята отдают нам половину своих немудрящих продуктов, да еще гречку мы нашли в одном из барачков. Все, в путь. Самая большая печаль – чай закончился.

А надо сказать, что в горах чай не только напиток. Когда и если заканчиваются сигареты – его курят. То есть не сразу, конечно. Сначала, понятное дело, есть сигареты. Но окурки выбрасывать нельзя, ни-ни! Выбирается специальный хранитель окурков, который их собирает в мешочек. Потом, когда сигареты заканчиваются, окурки торжественно достают из мешочка, потрошат, табак высушивают. Из него делаются самокрутки (в группе всегда есть один-два специалиста), которые вечером в палатке пускаются по кругу. Окурков обычно хватает еще на несколько дней, но потом заканчиваются и они. Далее следует пауза. Дня два, иногда даже три никто не курит. Наконец кто-то не выдерживает и достает чай. Сворачивает самокрутку, закуривает и говорит стандартную фразу: - «А что, ничего, курить можно!» Сразу к самокрутке протягиваются руки желающих, и она, как и раньше, пускается по кругу. Самой большой популярностью, конечно, пользовался индийский чай со слонами.

Ну, делать нечего, будем вести здоровый образ жизни. Тем более – домой очень хочется, бежать будем быстро. В общем-то, рассказывать дальше неинтересно. Чего там: высота небольшая, рюкзаки легкие, перевал простой... Даже быстрее, чем собирались, добежали мы до поселка Хрустальный, где и в самом деле добывался горный хрусталь, а оттуда – в железном кузове 130-го ЗИЛ'а-самосвала (отдельное, я вам скажу, удовольствие) – до поселка Ванч с его маленьким аэродромом и самолетами АН-2. Пара часов лета – и мы в Душанбе, городе хорошо знакомом. Первым делом, естественно, в КСС, к начальнику спасательной службы

Саше Кегутову, тоже давнему знакомому. Доложили, что живы - здоровы, рассказали о печальной находке, отдали документы. Ну и пообещали сразу, как сделаем, прислать фотографии места, где парня похоронили. Оставили свои координаты – и в аэропорт. Дальше – билеты, самолет – и вот он, Питер родной.

Но на этот раз всех нас дома ждал ба-а-а-а-льшой сюрприз. Дело в том, что наши друзья - волгоградцы оказались ребятами честными, обещанную телеграмму в МКК послали. Но денег, видно, пожалели. Текст оказался такой: группа 149/84 задерживается ввиду транспортировки трупа. Точка. Ни подписи, ни обстоятельств... Поэтому родственники наши в течение недели собирались и решали, кто из нас шестерых труп. Решили, что, скорее всего я, поскольку телеграмму всегда подписывает руководитель, а эта была без подписи. Так что рады нам были, пожалуй, вдвойне.

Есть такой традиционный вопрос, который, чаще всего с усмешкой, задают туристам и альпинистам. Дескать, чего ж вас несет туда, в горы? И бьетесь вы насмерть, и калечитесь, и болячки свои потом залечиваете долгие месяцы, если не годы. Что вы там забыли? Написано об этом много, какого-то универсального ответа не существует, но один из честных – вот он: ощущение того, что я это сделал, и я жив! Больше всего нравится возвращаться.

О посвящении в самом начале. Впервые я попал в горы, как писал, случайно, в 1975 году. Когда вернулся из своего первого похода на Кавка-

зе со сломанным, извините, копчиком и попал на операционный стол, мои папа с мамой были сильно недовольны. Папа даже специально совещался у себя на работе, в Институте радиационной гигиены, со знающим человеком: биофизиком Леной Павлицкой. Она была Мастером Спорта СССР по горному туризму. В ответ услышал: - «А что ты вспомнишь, когда будешь умирать дома от инсульта?»

Через два года Лена погибла при восхождении на пик Коммунизма. Она и сейчас там, на Памире. Я ее никогда не видел. Я ее помню. Это важно.

Институт.

*Моему Учителю,
профессору Льву Вениаминовичу Чирейкину*

Отработал я положенные четыре года на «скорой», откомандовал после этого два года блоком интенсивной терапии и реанимации в городской больнице. И тут пригласили меня в Институт кардиологии. Естественно, я считал, что меня туда позвали, потому что сильно умный. На самом деле мой будущий Учитель узнал, что работает в одной из городских больниц заведующий кардиореанимацией-придурок, который каждый день с 9 утра до 9 вечера пашет, плюс сутками в выходные дежурит, да еще ночами на такси за собственные деньги приезжает, когда что-нибудь нештатное случается. В институт мне очень хотелось: интересно же! Но вот зарплата там была, конечно, гораздо меньше. С другой стороны, в

клинике института тоже было отделение кардиореанимации, где я впоследствии и подрабатывал, долго и вполне успешно.

Институт – это, я вам скажу, совершенно другая жизнь! Ощущение поначалу такое, будто бежишь изо всех сил, быстро-быстро, и на полном скаку попадаешь то ли в паутину, то ли в какую-то упругую, вязкую жидкость, и движения твои становятся какими-то вялыми, медленными... Люди медленно ходят, медленно разговаривают, медленно, извините, думают... И это после моей мясорубки в реанимации городской больницы, где за ночь я мог принять девять больных с острым инфарктом в возрасте от 75 до 100 лет (при том, что коек у меня восемь), и за ночь же трех из них, с кардиогенным шоком, похоронить.

Определили меня работать в дистанционно-диагностический кардиологический центр. Он и сейчас существует. Это такая структура, в которую из разных медицинских учреждений города по телефону передают кардиограммы. И вот по этим кардиограммам доктора дают свои заключения. А иногда, если просят, врач дистанционного центра собирает дополнительную информацию о больном и что-то рекомендует коллеге на другом конце провода по диагнозу и лечению. Тогда это уже называется кардиологическая консультация. Конечно, это не от хорошей жизни - давать консультации, не видя пациента. Можно ведь и глупость спороть. Всегда вспоминаю любимый сюжет из повести Матти Ларни «Четвертый позвонок». Помните, там воду из школьного колодца направляют на анализ в лабораторию и получают ответ: ваша лошадь больна диабетом. С

тех пор, кстати, без острой необходимости стараюсь пациентов по телефону не консультировать.

Ну вот, пришел я работать в дистанционный центр. Первым делом, нахал молодой, сказал начальству: «Я ж заведующим работал. Ну, так давайте я буду этим центром заведовать, тем более что место свободно». Начальство (от неожиданности наверно) говорит: «Ну и заведуй себе». И стал я заведовать. А работали в дистанционном центре очень симпатичные женщины (ни одного мужчины), все старше меня, естественно. Медсестры, конечно, тоже все женского пола.

На работу мои дамы приходили где-то в начале одиннадцатого, садились чай пить. Время за разговором бежало быстро, и сразу после двух дня все они, женщины положительные, семейные и с детьми, отправлялись домой. Один врач и одна медсестра, правда, оставались на сутки. Так вот, за сутки в среднем принимали они восемь кардиограмм, это на троих дневных врачей. Через год работы установили мы рекорд: больше 160 кардиограмм за сутки! Я до сих пор этим женщинам благодарен: они меня не «сожрали» и не подставили, хотя могли запросто. Ведь думали, наверно, во всяком случае, поначалу, что я перед начальством выслуживаюсь и карьере делаю. А мне просто скучно по-другому: все должно крутиться, все должны бегать!

Ну вот, на этом этапе пригласил меня Учитель и быстро объяснил, что институт у нас – научно-исследовательский, стало быть, надо заниматься наукой. И вручил мне тему моей будущей кандидатской диссертации.

Посмотрел – аж скулы светло: организация автоматизированного рабочего места врача дистанционно-диагностического центра – до сих пор помню. Во тоска-то! Походил с месяц, попереживал... А потом пришел к Учителю и честно сказал: «Не-а, не буду». «Чего ж тебе надобно»? – спросил Учитель. «Да вот нарушения ритма мне нравятся, электрофизиология». Так у нас появилось новое подразделение. «Как назовем-то»? – поинтересовался директор института. – «Кефир» – говорю. «Что-что»? – «КЭФИР – кабинет электрофизиологических исследований и реанимации».

Для этого кабинета в первую очередь нужен был диагностический электрокардиостимулятор. А где ж его возьмешь? Американский-то мне не купят. Однако нашли. По совету и при участии заведующего дружественной лаборатории сперли в Институте пульмонологии, где он раньше работал. Это был классный аппарат! Японский, фирмы «Nihon Kohden»!! Он был ламповый, 50-х годов, на тележке, с кучей дырочек на передней панели, состоял из двух блоков и в собранном виде был выше меня ростом. От количества экранов и циферблатов я даже растерялся. Режимы стимуляции менялись с помощью красных и черных штекеров, а также кучи переключателей. Помните, это, кажется, в фильме «Ленин в Октябре»: «Барышня, барышня, дайте Смольный!»! Впоследствии оказалось, что при переключении режимов от штекеров сильно било током, но это мелочи. Тем более что током било только доктора, больной был защищен специальным блоком. У них там, в Институте пульмонологии этот замечательный аппарат использовался по прямому назначению: для

нейростимуляции экспериментальных животных. Жалкие люди! Могут сказать, что российских стимуляторов с такими возможностями и сейчас нет. Через несколько лет наш институт посетила какая-то японская делегация. Привели их и к нам в кабинет. Увидев наш замечательный прибор, японцы стали перешептываться и попросили разрешения его сфотографировать. Мы с удовольствием, конечно, разрешили, а заодно я, к некоторому неудовольствию директора, предложил передать наш стимулятор японским коллегам в качестве исторического экспоната. В обмен на новый, конечно.

Вот вокруг этого сказочного аппарата и формировался наш замечательный коллектив. Поначалу-то, правда, я сидел на двух стульях: по-прежнему заведовал дистанционным центром, а кабинет электрофизиологических исследований состоял из меня одного. Даже медсестры не было. Удобнее всего исследования, особенно амбулаторным больным, было проводить вечером, после основной работы. А совсем удобно – вечером во время суточного дежурства. Занимался я всякой разной стимуляцией сердца и лекарственными пробами. Моя высоконаучная работа заключалась в том, что я стимуляцией вызывал у больных с пароксизмальной тахикардией приступ, потом вводил в вену какой-нибудь антиаритмический препарат и повторно пытался вызвать тахикардию. Если не удавалось – стало быть, хорошо: можно назначать этот препарат в таблетках. Но антиаритмические препараты – штука небезопасная. Хорошо помню как один из вечеров провел с милейшей дамой сорока с неболь-

шим лет. Она пришла ко мне уже не в первый раз, с кремовым тортиком, для очередной лекарственной пробы. Вот только на этот раз ее пароксизмальная тахикардия сменилась не синусовым ритмом, а фибрилляцией желудочков. Справился-то я быстро, хватило закрытого массажа сердца, но перепугался сильно. Гораздо сильнее, чем больная, которая не успела понять, что, собственно, случилось. Она наотрез отказалась оставаться у нас в клинике, торопилась домой, а мне надо было понаблюдать за ней хоть пару часов. Пришлось уговорить остаться для того, чтобы, не торопясь, попить чаю с её же тортиком.

Как-то незаметно получилось так, что «Кефир» стал всем нужен, больных стало очень много, и я, соответственно, перестал справляться с работой. Это было удивительно уже хотя бы потому, что электрофизиологическое исследование – штука малоприятная для пациента. Если кто случайно не знает: тонкий гибкий провод-электрод с двумя металлическими шариками на конце через нос вводят в пищевод сантиметров на 30 (там сердце близко совсем!) и с помощью кардиостимулятора дергают током, определяя всякие необходимые электрофизиологические параметры. Но спрос, как известно, рождает предложение. «Кефир» стал обретать новых сотрудников. Одной из первых появилась аспирантка нашего директора из го-ро-да-а Талл-ин-на-а. Мы с ней сразу подружились: она тоже раньше работала на «скорой», а кофе пила еще больше чем я. И тоже приходила в сознание утром примерно после третьей чашки. Как-то, слегка опоздав на работу, аспирантка обнаружила, что первый пациент уже сидит на

диванчике в коридоре у кабинета. Употребление кофеина откладывалось. Выругавшись (про себя, естественно), она быстро уложила больного, закрепила ему электрод и стремительно провела электрофизиологическое исследование, в ходе которого обнаружила у него нестрашную, в общем, патологию: дисфункцию синусового узла. Электрод был извлечен, и, когда девушка уже смаковала первую свою на работе чашку долгожданного напитка, у больного, наконец, появилась возможность поинтересоваться, что, собственно, с ним делали. Выяснилось, что он просто по коридору мимо проходил, отдохнуть присел на диванчик.

А кофе в кабинете электрофизиологических исследований, кстати, употреблялся перманентно. У нас была ручная кофемолка, ручку которой постоянно крутил кто-то из сотрудников. Аромат – по всему институту. Через это удовольствие погибла одна из первых диссертаций, написанных в нашей компании: дискета (тогда еще большая, 5-дюймовая) с единственным экземпляром труда была залита крепким сладким кофе. Другие напитки у нас употреблять было не принято. Как материально ответственный, раз в месяц я получал два с лишним килограмма (почему-то именно килограмма, а не литра) 96-градусного спирта. Его нужно было наливать в мерную посуду с отметкой, сделанной специальной красной краской. Девять эти килограммы спирта было совершенно некуда, поэтому каждый раз перед тем, как получить новую порцию, старую я аккуратно выливал в раковину. Узнали бы пьющие люди – убили бы: водка тогда по талонам была.

Год за годом наш маленький коллектив постепенно рос. То, что приоритетными при приеме на работу были профессиональные качества, можете даже не сомневаться. Но были еще два вопроса, которые непременно задавались «на входе». Первый и самый главный задавал, естественно, Учитель. Этот вопрос был связан с беседой, которую с нашим начальником провел секретарь партийной организации института. Он – милейший человек – был настолько любезен, что совершенно самостоятельно произвел несложную статистическую работу: подсчитал, каков процент сотрудников «некоренной» национальности в нашем подразделении. Полученная цифра его опечалила. Эта печаль и явилась предметом обсуждения. Поэтому Учитель был бдителен. Когда подошло время принимать на работу очередного сотрудника, Учитель первым делом спросил его фамилию и, услышав ответ, облегченно вздохнул: все было в порядке. Проведя обстоятельный разговор на профессиональные темы, шеф с удовлетворением сказал: «Очень хорошо, мы Вас берем». И только когда новый сотрудник уже открывал дверь кабинета, Учитель спросил: «Кстати, а как ваше отчество»? Услышав ответ, он втянул голову в плечи и с опозданием задал тот самый вопрос, который должен был, по словам нашего партайгеноссе, задать в первую очередь: «А Вы, случайно, не...»? – «Да!» – радостно сказал новый сотрудник, не дожидаясь продолжения. Учитель тяжело вздохнул, но было уже поздно: слово не воробей.

Я, в свою очередь, тоже задал нашему новому коллеге тот самый второй вопрос, считавшийся самым важным не с точки зрения партийных

органов, а с точки зрения нашего коллектива: «Кофе пьешь»? – «Ага» – сказал наш новый коллега. И ведь обманул, редиска. Целый год наравне со всеми он исправно крутил ручку кофемолки. И только тогда, когда уже окончательно стал «своим», признался, что ненавидит эту черную горькую гадость.

Зато как он нас кормил! Время было не слишком сытное, наш институт получал гуманитарную помощь из Германии, в основном в виде яичного порошка и небольших баночек со свиным салом. Как это можно было сделать съедобным, я и тогда не понимал, и сейчас не понимаю. А еще он умудрялся соединять абсолютно несоединимые продукты: получалось необыкновенно вкусно. В зависимости от ингредиентов это называлось «гипертоксическая смесь» и далее – по номерам: один, два, три и так далее.

В это же самое довольно голодное время мой самый первый диссертант, который одновременно писал кандидатскую диссертацию в России и готовился к защите степени «Philosophy Doctor» в Швеции, слал мне жалостливые письма из Лундского университета, где и теперь более чем успешно работает доцентом, а тогда – делал экспериментальную часть своей работы. Его волновали технические сложности, сопровождавшие процесс постижения новых знаний. Дело в том, что эту свою экспериментальную часть он выполнял на поросятах: как известно, сердца свиной очень похожи на человеческие. То, что оставалось от эксперимента (а оставалось все, кроме сердца), он должен был мелко порезать и сжечь в

специальной муфельной печи. И вот по электронной почте, которая тогда только-только появилась, он писал мне, какая это тяжелая и неприятная работа. Глотая слюни, я отвечал ему, что проблема, в принципе, решается: если он там у себя разберется с транспортировкой отработанного материала из Швеции в Россию, то уж с утилизацией мы ему как-нибудь поможем.

Между прочим, мы пили и растворимый кофе, поскольку настоящий могли добыть не всегда. Наш отечественный напиток растворимым можно было назвать с большой натяжкой. Но вначале 90-х появился растворимый кофе «не наш», по моим теперешним представлениям – гадость страшная, а тогда – ну просто предмет вожделения. Этот кофе мы, естественно, получали в качестве взяток от пациентов, поскольку спиртное нам носить было бессмысленно. Для того чтобы у больных не оставалось сомнений в том, чего от них ждут, я организовал выставку. Открывая дверь в наш кабинет, больные с порога видели окно, весь подоконник которого был уставлен плотными рядами (друг на друге) десятков банок из под растворимого кофе. Одинаковых не было. Главного врача клиники этот бардак раздражал страшно. Но сказать впрямую, что ей понятен тайный смысл этой выставки, было неловко. Поэтому приказано было банки убирать как рассадник инфекции, что, конечно, было очень забавно.

Вот таким, примерно, образом и приходилось осваивать азы жизнедеятельности в научно-исследовательском институте. Нет, с непосредственным руководителем как раз все складывалось прекрасно. Ему нужен был

пахарь – он его получил. С Учителем даже шутить можно было. Как-то его зять, орнитолог по профессии, подарил тестю чучело совы. Чучело было торжественно укреплено на стене, над письменным столом. На следующее утро шеф позвал к себе в кабинет оценить обновку. Сова сидела как бы на ветке, в метре над головой Учителя, символизируя его мудрость. Я, конечно, выразил положенное восхищение: сделано было действительно здорово. Но, выходя из кабинета, тихо спросил: «А не нагадит»? На следующий день сова исчезла.

В общем, спасибо Учителю, который все это терпел: с политесом действительно были некоторые проблемы. Я ведь трудился на «скорой» и в реанимации, где все на «ты», а субординация упразднена как мешающая работе. Ни в клинической ординатуре тебе, ни в аспирантуре. А тут, блин, Ученый совет, Проблемная комиссия, обход профессора. Были, правда, попытки сделать эти мероприятия менее чопорными и унылыми. Одна из них принадлежала Ученому секретарю института, человеку с очень хорошим чувством юмора. Воспользовавшись, надо полагать, служебным положением, он вынес на обсуждение Проблемной комиссии института новую смелую гипотезу. Суть ее заключалась в том, что, вопреки открытию Уильяма Гарвея в 17-м веке, у человека имеется не два круга кровообращения, а только один. Докладчиком он, естественно, назначил себя. В течение получаса, давясь про себя от смеха, он с использованием таблиц и схем излагал собравшимся научным сотрудникам во главе с директором института аргументы в пользу этой гипотезы. Понятно, что все

его теоретические построения были – ну просто сивокобыльным бредом. Но, как известно, действительность порой опережает самые смелые предположения. Все оказалось гораздо смешнее, чем планировалось, потому что никто из научных мужей не понял, что это шутка.

В ходе обсуждения доклада они выходили друг за другом и, как один, говорили, что идея в целом чрезвычайно интересная и заслуживает самого серьезного к себе отношения, но... и дальше следовали осторожные контраргументы. Докладчик – просто растерялся: он, было, решил, что над ним издеваются, но быстро понял, что ничего подобного! В конце концов, он вышел еще раз с коротким выступлением, смысл которого был – да пошутил я, братцы, по-шутил! А-а-а-а, разочарованно сказали ученые: ну, так бы и говорил.

Случались, между прочим, и непреднамеренные шутки. Однажды, тихо задремав на очередной Проблемной комиссии, я проснулся оттого, что докладчик по ходу своего выступления периодически восклицал: Гав! Гав!! Гав!!! Сильно озабоченный состоянием его психического здоровья, я далеко не сразу понял, что все в порядке: просто он использовал аббревиатуру фразы «группа активного вмешательства».

Вскоре и мне пришлось приучаться делать доклады, носить костюм и галстук. Мой дебют состоялся на заседании кардиологического общества. Тема доклада была определена, красивые картинки сделаны. Я, правда, на заседаниях кардиологического общества ни разу в жизни не был даже в качестве слушающего чужие выступления. Но это ли проблема? Опять

же, в последний момент Учитель сказал, что лучше, пожалуй, изменить тему выступления и рассказать о нашем печальном опыте применения одного нового антиаритмического препарата. Ну, изменить – так изменить. И вот подошел день моего бенефиса. Народа было много. В первом ряду сидел цвет ленинградской кардиологии: большинство уважаемых профессоров я тогда и в лицо-то не знал. Строгие платья и темные костюмы с одноцветными темными же галстуками были слегка разбавлены генеральскими мундирами. Секретарь прочитал название моего доклада и пригласил за кафедру. И я вышел. Свитер на мне был, если честно, слегка вытянувшийся, но модного болотного цвета. Джинсы – как новые, бахромы внизу почти незаметна. Кроссовки, правда, были потертые (что вы хотите, два горных похода на Памире), зато настоящий «Аидас». В общем, это сине-зеленое чучело взгромоздилось (впервые в жизни!) на трибуну и, нагло глядя в лица сидящим в первом ряду, стало «докладывать» примерно так. «Уважаемые коллеги (голос Копеляна за кадром: Штирлиц тогда еще не знал, что к старшему обращаются «глубокоуважаемый», к равному – «многоуважаемый», а «уважаемый» - к младшему)! Мы решили, что, пожалуй, вопреки заявленной теме, более интересно и полезно для вас будет послушать о некоторых фармакологических свойствах антиаритмического препарата такого-то. Наш опыт позволит вам избежать некоторых ошибок, о которых я и хочу рассказать». Ну и далее в том же духе. Отдайте мне должное, по наливающемуся кровью продолжению высокого лба глубокоуважаемого профессора Макса Соломоновича Ку-

шаковского (он-то как раз был мне хорошо знаком по учебе на его кафедре) я довольно быстро понял: что-то пошло не так. Но было уже поздно. На следующий день в 9.00 меня пригласил к себе директор института (он тоже сидел в первом ряду). В первый и последний раз в жизни он говорил со мной, мягко говоря, неласково. В заключение этой беседы он предложил, если у меня серьезные финансовые затруднения, приобрести костюм и галстук за его счет.

Директор наш, надо сказать, был человеком удивительно порядочным: вещь нехарактерная для такой должности. Как-то вечером, помню, в институт пришли корреспондент и фотограф из газеты «Вечерний Ленинград». Время было позднее, из начальства - только Ученый секретарь. Товарищи журналисты сообщили ему, что для материала в газете о нашем институте им необходимо сделать несколько снимков. Поскольку рабочий день уже закончился и никого не было, Ученый секретарь отправил их на отделение реанимации, которое, естественно, работало круглосуточно. А дежурил в этот день как раз я. Ну, собственно, в соответствии с этими техническими причинами моя фотография и иллюстрировала материал о нашем учреждении. Мы по этому поводу с коллегами славно повеселились. Но веселились, как выяснилось, не все. Много лет спустя, совершенно случайно и абсолютно не от директора я узнал, что у него были довольно крупные неприятности: фото в центральной прессе, да еще человека с моими анкетными данными, нельзя было печатать без согласования с родной партией.

Немало беспокойства я доставил и заму директора, который пришел работать в институт из Военно-медицинской академии незадолго до меня. Впоследствии он оказался – ну просто милейшим человеком, мы с ним жили душа в душу. И сейчас, кстати, поддерживаем замечательные отношения. Но тогда, много лет назад... Представьте себе общение человека с ранней юности военного, полковника, со мной, сугубо гражданским самоуверенным разгильдяем. Вот, пожалуй, про наше с ним общение я и расскажу несколько баек.

У бывшего полковника была очаровательная манера. Он приглашал к себе в кабинет человек десять руководителей подразделений и начинал с каждым из них по очереди неспешно беседовать, расспрашивая о проблемах и трудностях в работе. Даже если тебя уже закончили «опрашивать», уйти было нельзя: выходили из кабинета по окончании мероприятия все сразу. Меня от этого просто трясло: дел – навалом, а тут эта говорильня, абсолютно пустая и бесполезная. В ту пору появились как раз первые советские часы «Электроника». Очень я их хотел, ну и купил наконец. Как-то во время очередной такой коллективно-индивидуальной беседы, к исходу второго часа примерно, я каждые секунд тридцать стал незаметно нажимать на кнопочку в часах, после чего следовало громкое «пи-и-и-и». Скоро у шефа стала дергаться щека, а коллеги начали тихо ржать. Совещание довольно быстро закончилось, ни на одно последующее меня не приглашали. Вскоре они прекратились совсем.

А вообще-то к заму директора можно было обратиться по любому

вопросу, он всегда старался помочь. Для этого у него были две записные книжки в одинаковых потертых клеенчатых переплетах. В правом верхнем углу одной из них стояла обведенная в кружок цифра «1», другой – «2». Внутри – бисерным почерком, очень плотно, фамилии и телефоны. Понятно, что это были книжки еще из той его, прошлой, военной жизни. Как-то мне срочно понадобился какой-то начальник кафедры из Военно-медицинской академии, а найти его я никак не мог. Пришлось обратиться с просьбой к уважаемому профессору. Надо сказать, что к тому времени он уже немало лет проработал в институте, то есть «на гражданке», и был ну просто душкой: разговаривал мягко, ласково, никого не строил. И вот, полистав одну из своих волшебных книжек, уважаемый профессор набрал телефонный номер и, улыбаясь в трубку, произнес примерно следующее: «Добрый день, простите за беспокойство, если Вас не затруднит, будьте так любезны, пригласите, пожалуйста, к телефону такого-то. Буду очень признателен».

По мере того, как он выслушивал ответ, лицо его менялось на глазах. Улыбка исчезла, губы поджались, глаза сузились. Видно, ответ ему очень сильно не понравился. Дальше последовало следующее: «То есть как??? С вами говорит полковник такой-то! Ваша должность и звание! Так вот, капитан, найдите и доложите. Жду. Две минуты вам, советую поторопиться!» – «О-о-о – думаю - как проступило-то. Это на всю жизнь!»

Еще один забавный момент помню с «изменением личности». 1991 год, 19 августа. Уже объявлено о введении чрезвычайного положения.

Помните «Лебединое озеро»? «Эхо Москвы» передает воззвание «К гражданам России». Черт меня дернул пошутить. Вежливо стучу в кабинет зама директора, захожу. «Мы тут посоветовались, говорю, с товарищами. С трудом достали текст обращения к гражданам России Ельцина Бориса Николаевича. Значит так: у нас в институте два ксерокса. Вы распорядитесь, пожалуйста. Мы прокламации быстренько размножим и пойдем на улицу разбрасывать. А Вы как член партбюро института набросайте пока обращение от нас, сотрудников, с осуждением ГКЧП: лучше Вас никто не напишет! Дескать, «но пасаран, наши победят!» Ну вот, пошутил это я и жду, что зам директора в ответ тоже что-нибудь веселое скажет. А у него лицо каменное совершенно. Не мигает. Смотрит сквозь меня. Молчит. И я начинаю понимать, что в слова «наши победят» мы с ним, пожалуй, вкладываем разный смысл, потому что «наши» у нас с ним какие-то неодинаковые. Короче, шутка не удалась.

А еще самый первый в институте обход профессора, на котором мне посчастливилось присутствовать – это был как раз обход нашего зама директора. По специальности, кстати, он был гастроэнтерологом. Это был настоящий спектакль! Происходило действие примерно следующим образом. В палату заходит «первое лицо». За ним заведующий отделением, ВСЕ ординаторы отделения, три клинических ординатора, два аспиранта, парочка медсестер. Замыкает шествие старшая медсестра отделения, которая на вытянутых руках держит влажное вафельное полотенце. Далее вся эта толпа пытается как-то продвинуться к койке больного. Но

это практически невозможно, поскольку свободного места нет. Больной с недавно перенесенным инфарктом миокарда и сложными нарушениями ритма (я-то как раз присутствую по этому поводу как представитель отделения кардиореанимации). У кровати больного водружается стул, профессор садится. Остальные, естественно, стоят. После благосклонного кивка ординатор, ведущий эту палату, уткнувшись в историю болезни, начинает рассказывать о больном. Говорит минут десять. По завершении доклада ординатору задается несколько вопросов, касающихся семейного и наследственного анамнеза, причем ответы одобрения не вызывают. Далее профессор сам приступает к расспросу. Продолжается это минут двадцать: вопросы – от результатов последнего визита к стоматологу до особенностей стула непосредственно перед инфарктом. Затем – осмотр: не торопясь, вдумчиво. При этом профессор периодически цокает языком. Никогда не думал, что цоканьем можно передать палитру чувств от глубокой озабоченности до полного восторга. Иногда профессор восклицает, например: Обратите внимание, как необычно расположена у пациента левая доля печени». Клинические ординаторы и аспиранты по очереди подходят, тыкают пальцами в разные места живота и старательно обращают внимание. В результате осмотр – это еще минут двадцать. Далее – пара вопросов к заведующему отделением. Они касаются реабилитации больного в санатории. Я про себя думаю, что вовсе не уверен, что больной до санатория доживет. В остром периоде инфаркта у него фибрилляция желудочков была трижды: раз – дома и два раза – у нас. Но

мне вопросов не задают, и слава Богу. Наконец дело идет к завершению обхода. Старшая сестра подносит влажное полотенце, профессор вытирает руки и обращается к пациенту: «Ну что ж, дорогой мой! Мы тут посоветовались с коллегами и решили...» – я, аж замер: что же мы после всего этого решили? – «... и решили, что Вы очень, очень хороший человек. Поправляйтесь!» Интересно, что бедный лечащий доктор написал в истории болезни?

Да, институт... Мой мудрый отец, 50 лет без малого прослуживший в НИИ, расспрашивал меня о работе и в ответ на мои восторженные рассказы о том, как у нас трудно, но интересно и – какое бы слово подобрать – радостно! – работать, осторожно говорил, что для НИИ это, мягко говоря, нехарактерно и мне сильно повезло. Это казалось странным: разве может быть по-другому? И папа мне объяснял, что да, дурачок, может. Типовая модель НИИ – это когда во главе – цитируя братьев Стругацких – «... орел наш, благородный дон Рэба, а каждый сотрудник – благородный дон - безумно обожает дону Рэбу и ... всем сердцем предан серому слову и серому делу».

Мне повезло: для меня институт - теперь уже навсегда – это не «Трудно быть богом», а «Понедельник начинается в субботу». Помните у Юрия Левитанского?

**Каждый выбирает для себя
Женщину, религию, дорогу.**

**Дьяволу служить или пророку,
Каждый выбирает для себя....**

**...Каждый выбирает для себя.
Выбираю тоже, как умею.
Ни к кому претензий не имею.
Каждый выбирает для себя.**

Командировки.

*Друзьям и коллегам,
с которыми мы и сейчас работаем вместе.*

Скоро, наверно, смогу отпраздновать юбилей: 25 лет исполнится, как катаюсь в качестве доктора или преподавателя по разным городам и весям. Командировки – это вся Россия, от Калининграда до Владивостока, Сахалина, Камчатки. Ну и в другие страны, естественно. Командировки бывают разные. Иногда на конференции, конгрессы и съезды, но это отдельный разговор. Часто – одну-две-три лекции прочитать коллегам, на короткое время. Бывает – приглашают сложного больного посмотреть: это тоже недолго. Изредка – с инспекцией какой-нибудь, особенно раньше, в советские времена. А обычно едешь не один, а в компании, на мероприятие, которое называется «выездной цикл»: это когда в течение недели примерно проводятся занятия с докторами по определенной кар-

диологической теме.

Вообще-то, все командировки похожи. С течением времени в памяти остаются лишь яркие пятна.

Петропавловск-Камчатский с его гигантскими растениями – коллективная наша фотография под огромным лопухом. Там же, в день приезда – огромный таз с красной рыбой, зажаренной в кляре, для голодных питерцев.

Сахалин: рыба на нерест, которой тесно в русле реки. Рыборазводный завод с огромными емкостями: осетры от сантиметровых мальков до рыб-бин длиной несколько метров. Экскурсовод – молодой парень, старший научный сотрудник, тыкая пальцем в многотысячную гущу мальков: «А вот этот у нас слепенький!» Он их каждого в лицо знает!

Опять Сахалин, уже в другой раз: землетрясение, из-за которого люди выбегали на улицы, а мы, уставшие после перелета – проспали.

Чебоксары: сильный снегопад в конце июня. Удивительное сочетание зеленых листьев и белого снега.

Но некоторые командировки запомнились надолго, о них и буду рассказывать, естественно. Вот, кстати, в Чебоксарах бывал не раз, а помню лучше всего самую первую поездку, еще в 1989 году. Мы, семеро преподавателей, читали там разные кардиологические лекции; для меня это было еще делом непривычным.

Поселили нас, дабы обеспечить комфорт и уют, в Доме отдыха за городом. Это сейчас профессора, да и просто преподавателя можно поселить

только в одноместный номер. А тогда, 20 лет назад, мы жили по два человека в комнате и при этом очень хорошо себя чувствовали. Исключение было сделано только для единственной в коллективе дамы и двух наших маститых ученых-профессоров. Даму поселили в отдельном номере, а профессоров вдвоем, но в двухкомнатном люксе. Место, где мы жили, было замечательное: берег Волги, свежий воздух, тишина... Но тоска, конечно, зеленая. Тем больше мы обрадовались, когда на воротах соседнего санатория увидели прикрепленный лист альбомного формата с крупной надписью печатными буквами: СЕВОДНЯ ВИДИОСОЛОН. И ниже, мельче – название фильма. Еще ниже – время 20.00. Цена билета 1 рубль.

Обратили внимание? Про цену – абсолютно без ошибок. Гражданами мы были неискушенными. Наверно, в Ленинграде видеосалоны тоже имелись, но нас это как-то не касалось: наша жизнь проходила на работе. А тут – такая удача, настоящий западный фильм! Конечно, мы пошли почти всем коллективом. Зал был забит до отказа, на входе стояли два плечистых билетера боксерского вида. Один из наших профессоров был настолько любезен, что приобрел на всех билеты. Мы с удовольствием посмотрели этот фильм, название которого уже не помню. Сейчас это назвали бы, наверно, мягкой эротикой. Но тогда! Весь обратный путь до нашего Дома отдыха мы шантажировали профессора тем, что всем будем рассказывать как он, человек серьезный и сугубо положительный, член партийного бюро, водил нас смотреть «порнуху».

Как и положено, самыми яркими личностями в нашем маленьком

коллективе были два профессора. Эта пара была вполне самостоятельна и со стороны смотрелась удивительно гармонично. Один из них, высокий и худой, вещал медленно и степенно, изредка пыхая курительной трубкой. Другой, маленький и полный, говорил быстро-быстро, глотая окончания слов и заикаясь, короткими затяжками куря сигарету за сигаретой. Какая бы тема ни обсуждалась, они были не согласны друг с другом.

– «Ну, дорогой, думаю, ты не прав» – степенно изрекал один.

– «То, что ты говоришь, полная ерунда по трем причинам – отвечал второй: во-первых –...».

При этом, как очень точно подметил один из членов нашей компании, когда профессор произносил «во-первых», он еще представления не имел, что у него будет «во-вторых» и «в-третьих». Короче, это был такой перманентный спектакль на двоих, а нам, остальным, очень нравилось быть зрителями.

Начало кардиологического семинара было обставлено весьма торжественно. Как и положено, руководители здравоохранения города произнесли всякие парадные слова, представили всех нас по очереди аудитории. И вот, наконец, началось. Первую лекцию, естественно, читал один из профессоров. Мы же сидели в первом ряду и внимательно слушали вместе со всеми. В перерыве двое преподавателей куда-то исчезли. Как выяснилось впоследствии, они быстро сбежали в книжный магазин, который находился совсем близко. Вернулись оттуда счастливые, с книжками, хотя и опоздали чуть-чуть к началу второй половины лекции. Под недовольным

взглядом лектора они прокрались в первый ряд и плюхнулись в кресла по соседству со мной. Один из них показал мне добычу: это была повесть «Старик и море» Хемингуэя из серии «Библиотека школьника». Коллега раскрыл книгу, достал ручку и начал что-то сосредоточенно писать. Я скосил глаза и прочитал:

«Глубокоуважаемому такому-то (имя второго посетителя магазина) в знак глубокой признательности за его ценные замечания по поводу этой книги. Ваш Эрнест».

После этого книга с дарственно надписью была торжественно передана адресату. И тут второй профессор, который тоже с интересом наблюдал за происходящим, вдруг обиженно произнес: «А мне»? Каюсь, мои сдавленные всхлипывания и хрюканье чуть было не сорвали гладко катившуюся тем временем лекцию.

Именно в Чебоксарах я впервые узнал, что такое рыбалка для дорогих гостей. Потом похожих рыбалок в разных поездках было много, но я уже был подготовлен и научился уклоняться, ускользать, прятаться, болеть, в крайнем случае – участвовать, но не слишком. А тогда, в первый раз, у меня не было сомнений в том, что рыбалка – это когда ловят рыбу. Собственно, поначалу ничто не предвещало подвоха. Ну, может быть, несколько удивило то, что мы собрались ловить рыбу днем. Как человек, знакомый с предметом только по художественной литературе, я все же представлял себе, что есть какая-то утренняя зорька, или вечерняя зорька, или обе эти зорьки. Но, поскольку мне хорошо знакома была только

«Пионерская зорька», и было это довольно давно, ничего не оставалось, как полностью довериться хозяевам. Нас посадили в большой катер и повезли к какому-то острову посередине Волги. Я постоянно оглядывался в поисках удочек: их не было. Логическое мышление подсказало, что они, видимо, на месте рыбалки. А что, если у них не удочки, а, страшно подумать, динамит?

Но когда мы, наконец, приплыли, все стало на свои места. Ни удочек, ни динамита не было. Невдалеке сушились сети, а рыба – рыба была давно поймана и приготовлена. Прямо на траве стоял длинный дощатый стол. Правда, определить, что он именно дощатый, можно было очень не сразу. Стол был плотно уставлен бутылками с водкой, рядом со столом – несколько ведер с дымящейся ухой и еще чуть-чуть водки, в ящиках. Немного в стороне – небольшой столик с немудрящей закуской. Уха, кстати, была замечательной. Хлебосольные хозяева постоянно приговаривали, что, может быть, это последняя наша возможность отведать стерляжьей ухи: Волгу загадили вконец, и стерлядь практически перевелась.

Рыбалка далась нам нелегко. Больше всех пострадал один из профессоров, тот, который был малого роста. Видно, в расчете на килограмм массы тела ему досталось больше других. Всю обратную дорогу он понимал нас рассказами о том, какой он знатный рыбак и какую большую рыбу ему приходилось вылавливать. Даже вечером, когда мы собрались пить чай, его пыл еще не угас. Правда, к этому времени он перестал рассказывать о рыбалке, зато стал требовать, чтобы мы от имени нашего

трудового коллектива направили гневную обличительную телеграмму в адрес 1-го Съезда народных депутатов СССР, который как раз проходил в Москве в это время: типа, руки прочь от нашей Волги! Поскольку трудовой коллектив энтузиазма не проявил, профессор предложил голосовать. Мы и проголосовали: все против. Это была большая обида, правда недолгая: утром профессор ничего не помнил. Что-ж, мы напомнили. Я сбегал в спортивный магазин и купил самый большой рыболовный крючок. Честно говоря, даже не знал, что такие бывают: сантиметров пятнадцать длиной. Жутко дорогой, но для хорошего человека разве жалко? За очередным вечерним чаем мы торжественно подарили его профессору. А еще – книжку «Старик и море», которую он так хотел. С дарственной надписью автора, естественно.

Командировки... еще люблю их за свободные вечера. Днем-то, ясное дело, занят, но вечер – твой! Можешь погулять по незнакомому городу, сходить в музей или театр. Можешь просто с книжечкой полежать в гостиничном номере, один. Один! И никакие лица перед тобой не мелькают. А можно – с коллегами за бутылочкой сухого вина и неспешным разговором посидеть. Это, кстати, традиция. Всегда выбирался «штабной» номер, обычно – самый большой из тех номеров в гостинице, что нам доставались. Назначался ответственный за ежевечерний «разбор полетов», который, в частности, должен был приобретать сухое вино. Помню, в Краснодаре, в разгар кампании по борьбе с пьянством, таким ответственным был назначен наш коллега-доцент, ну о-о-о-очень интеллигентный

человек. Он у нас был преподавателем наименее загруженным. Дело в том, что практические занятия тогда уже проводились на персональных компьютерах, а у него с техникой отношения не складывались. Представьте себе благообразного полного человека средних лет, в костюме, плаще, шляпе, с шелковым шейным шарфиком, в одной очереди с алкашами, которым нужна была «бормотуха».

Занятия наши проводились в одном из родильных домов. Как-то, появившись, как всегда, к обеду (стол для преподавателей накрывался в кабинете главного врача), наш ответственный товарищ задал хозяйке кабинета необычный вопрос: «Будьте добры, просветите меня, пожалуйста, что означает слово «чувырла»? Главный врач: «Бог с Вами, дорогой, что это вы вдруг?» – «Видите ли, отстоял я только что очередь в винный отдел, спрашиваю: будьте любезны, уважаемая, подскажите, пожалуйста, сколько стоит вот эта бутылочка сухого «Цимлянского»? А продавец мне отвечает: «Разуй глаза, чувырла, ты что, не видишь, что здесь отпускают только за сданную посуду»? Главный врач под дружный смех коллег: «Не обижайтесь, пожалуйста: «чувырла» – это по-нашему, по-кубански, «чмо болотное».

Если помните, в середине 80-х борьба с алкоголизмом, помимо всего прочего, подразумевала и то, что винные магазины закрывались рано, в 17 часов, дабы пьющие люди успевали обрести сознание к началу рабочего дня. Поэтому я пришел в полный восторг, когда случайно в книжном магазине увидел – ну, практически инструкцию, руководство к действию

для нашего заготовителя припасов. Мы всей компанией с удовольствием расписались на первой странице. Это была книга какого-то японского автора, посвященная воспитанию детей. Называлась она очень подходяще: «После пяти может быть уже поздно».

В некоторых городах приходилось бывать не раз и не два. В Белгороде, например, раз десять, а некоторые мои коллеги – и того больше. Лидер наших поездок окрестил гостиницу «Центральная», где мы обычно останавливались, «Белгородским Централом». Конструкция гостиничных номеров потрясла меня строительной смекалкой. Дело в том, что в прихожей каждого номера стоял шкаф для одежды. Так вот, шкафы в смежных номерах располагались симметрично: задняя стенка вашего шкафа одновременно являлась задней стенкой шкафа в соседнем номере. Таким образом, соседние номера были в прихожей отделены друг от друга лишь тонкой фанерной перегородкой. У вас богатое воображение? Звуки из соседнего номера – это школа жизни!

Вечером после занятий мы обычно отправлялись в ближайший «Универсам» за пропитанием. Как-то я присмотрел изрядный кусок буженины, которую очень люблю, и начал кланчить, чтобы мне приобрели ее немедленно. Но коллектив не внял. Коллективу показалось, что буженина не должна быть зеленого цвета. Каждый вечер мы заходили в магазин, буженина все лежала на своем месте, постепенно меняя цвет от нежного светло-зеленого до интенсивного буро-болотного. И каждый раз коллеги отказывали мне в моей просьбе. Когда, через год примерно, мои друзья

(уже без меня) вернулись из очередной командировки в город Белгород, мне было сказано, что полюбившийся мне кусок буженины по-прежнему лежит на том же месте и у меня по-прежнему есть шансы.

Одна из серьезных проблем по окончании каждого цикла специализации для кардиологов – это подарки нам, преподавателям. Подарки эти довольно редко бывают оригинальными: чаще всего – конфеты и спиртное. Куда это (особенно спиртное) девать, совершенно непонятно. Представьте себе: в том же Белгороде группа врачей-курсантов – человек тридцать с небольшим. В заключительный день цикла КАЖДЫЙ доктор приносит преподавателю в подарок одну-две бутылки водки или коньяка. Даже если-б мы были сильно пьющими: завтра уезжать, на 6 преподавателей больше 40 бутылок! Их и до гостиницы-то дотащить – проблема, не с собой же в Питер брать. Чаще всего мы все тихо оставляли в своих номерах на радость горничным, испытывая при этом большую неловкость: подарок все-таки. Но однажды мне в голову пришла светлая идея: а что, если эти бутылки сменять на сок? Всякая инициатива, как известно, наказуема: меня тут же поймали «на слабо». Следующая сцена: сгибаясь под тяжестью двух огромных «авосек» с водкой и коньяком, иду на местный рынок, к ларькам с напитками (благо до них от гостиницы метров двести). Следом, метрах в десяти, весь наш остальной коллектив, тоже сгибаясь: от хохота. Только в пятом по счету ларьке хозяйка поняла, что разговаривает не с сумасшедшим, и поверила, что я действительно хочу обменять все это счастье на шесть литровых банок с апельсиновым со-

ком. Обмен был совершен к общему удовольствию.

За годы таких командировок формируется свой фольклор, появляются какие-то ключевые, фразы, только для нас имеющие значение. В Самаре мы жили в пансионате за городом. Вместе с нами отдыхали ребята из детского дома. Публика бойкая, где-то от 5 до 12 лет, находящаяся в постоянном броуновском движении. Мы с ними обычно совпадали в столовой за завтраком. Опекала их пожилая тетка-воспитатель, дородная, степенная, немногословная, разговаривающая басом. Воспитательный процесс в ее исполнении не отличался разнообразием. Примерно каждые пять минут она выхватывала из гущи провинившегося шалуна, давала ему звонкую затрещину и говорила, растягивая слова: «Ни-и-ра-асра-а-и-ай-ми-и-а». Постепенно мы поняли: это означало – не расстраивай меня. С тех пор уже много лет в нашей компании это одна из любимых фраз.

Еще одна поездка, которую запомнил очень хорошо – в Махачкалу. Будто прожил кусок не своей, совсем чужой жизни. Цикл специализации по кардиологии там длился больше месяца. Мы прилетали его проводить по два преподавателя в неделю – десять дней. Встречал всех по очереди, сопровождал и опекал, холил и лелеял профессор-кардиолог, на визитной карточке которого было написано «Заслуженный деятель науки и врач республики Дагестан». Поселили нас в огромной, абсолютно заброшенной на вид и практически пустой гостинице «Ленинград»: меня – в трехкомнатный номер, моего коллегу – в четырехкомнатный. Как выяснилось, мне повезло гораздо больше, потому что количество тараканов

на квадратный сантиметр площади было константой, а сантиметров этих у коллеги – существенно больше. Правда, и три комнаты тараканов – это много.

В первый же день мы поняли, что удивительное рядом. Ну, вот представьте себе такую совершенно бытовую сцену. Выходим из гостиницы, ждем машину, которую за нами обычно присылали, чтобы отвезти к месту занятий. Следом за нами выходит господин в костюме, плаще и шляпе, с автоматом Калашникова на плече. Спокойно подходит к автобусной остановке (она прямо напротив гостиницы), поднимает руку. Остатанавливается маршрутное такси, гражданин садится и уезжает. Ничего особенного.

В первый же вечер после приезда сидим с опекающим нас дагестанским коллегой-профессором в лучшем ресторане города. Все по высшему разряду, обсуждаем какие-то наши кардиологические проблемы. Вдруг – ба-ба-а-а-ах! Нас ощутимо подбрасывает, дребезжат стекла, что-то падает. «Не обращайте внимания – говорит профессор: это опять, наверно, в нашего мэра стреляют».

На следующий день узнаем: точно. В мэра. Из гранатомета. Одиннадцатый, кажется, раз. Спорт у них такой, что ли?

Занятия мы проводили в Республиканском кардиологическом диспансере. Пока один читал лекцию, второй смотрел сложных больных. Потом менялись, и так весь день с утра до вечера. Такая нагрузка – дело привычное. Лекции читать – не вопрос. Но вот с консультациями были

некоторые сложности. Кардиологов в диспансере много, своих больных хотел показать каждый. Сначала надо было познакомиться с доктором. Процесс знакомства, видимо, отработывался десятилетиями. Сопровождающий заводил консультанта, представлял хозяина кабинета и деликатно покидал помещение. Мгновенно на столе поверх медицинских документов материализовалась бутылка (либо пяти-, либо десятилитровая) и два стакана. Слова при этом произносились практически одинаковые: «За знакомство. Нельзя отказываться, обида. Родственники прислали из деревни». Вино всегда было действительно замечательное, но ограничиться одним стаканом, как правило, не удавалось. И это перед приемом больных. Со многими больными тоже необходимо было знакомиться, иначе – обида, и у них тоже были родственники в деревне. Я уж не говорю о том, что вечером после лекций и консультаций нас ждал в своем кабинете главный врач с ближайшим окружением и представителями передовой интеллигенции города. КАЖДЫЙ день.

Вы можете догадаться, с каким нетерпением мы ждали свой единственный выходной день. Больше всего хотелось полежать с книжкой на диване, пусть даже и вместе с тараканами. Но – не судьба! Как в сказке про Мальчиша-Кибальчиша, пришла беда, откуда не ждали: выяснилось, что я как-то незаметно для себя успел проконсультировать главного архитектора города Дербента. Ну и, ясное дело, он нас пригласил на экскурсию по любимому городу. Дальше – вы уже читали: нельзя отказываться, обида... ну и так далее. Нет, мы, конечно, попытались робко возразить, но

нам быстро объяснили, что всех дел-то: 120 километров до Дербента – это минут пять-десять, да там часик, ну и обратно минут пять.

На следующий день машина за нами пришла в 7 утра. До Дербента мы действительно доехали довольно быстро, часа за два с небольшим. Первая остановка – местный Комитет по здравоохранению: большая комната, большой стол, много-много самой разной национальной еды, ну и, сами понимаете, питья. Есть я, правда, закончил довольно быстро. На совершенно безобидный вопрос, что это я только что съел такое круглое, мне объяснили, что это блюдо для самых дорогих гостей: бараньи яйца.

Следующим номером нашей программы было посещение гордости Дербента – завода игристых вин. До сих пор себя уважаю: несмотря на то, что нам пришлось ознакомиться с полным технологическим циклом производства с дегустацией на каждом этапе, я все же запомнил, что завод был основан в 19-м веке, а единственное настоящее шампанское – это «брют».

Далее мы проследовали в знаменитую дербентскую крепость. Ну, что вам сказать? Мне сразу не понравилось то, что на заводе в нашу машину заносили какие-то ящики. И вот мы шли вдоль крепостной стены, а через каждые 100 метров, как по волшебству, появлялась белая скатерть, уставленная... в общем, это и называется «у нас с собой было». Помню, что экскурсовод был замечательный. Помню... сасаниды, сельджуки, сефевиды... кто они такие? Что они там делали? Кто из них кого убивал? И за что? В общем, потом пришли наши и всех разогнали.

Думаете, это все? Вечером, для того, чтобы мы окончательно пропитались местным алког... в смысле, колоритом, нас повезли на дербентскую свадьбу. Мы там были почетными гостями, а всего гостей было 850 человек. Если я правильно понял, даже если ты видел человека пять минут, не пригласить его на свадьбу – кровная обида!

К двенадцати-ти ночи (как я узнал утром) мы уже были в гостинице. Все-таки полноценный отдых – великая вещь!

Если вспоминать о «врачебных» командировках, консультациях, то грех не рассказать о Петрозаводске. Сколько раз был в этом городе – не счесть. Еще с юности, когда довольно серьезно занимался спортом, пулевой стрельбой. Там, в Петрозаводске, было наше динамовское стрельбище, там мы проводили как минимум один летний месяц в году, готовясь к первенству Советского Союза и к первенству Центрального Совета «Динамо». Но это 70-е годы, а в качестве доктора я туда попал впервые в конце 80-х.

Все началось с того, что меня срочно пригласил к себе директор института. Оказалось что его, в то время депутата Верховного Совета СССР, попросили срочно проконсультировать коллегу-депутата из Петрозаводска. С народным избранником случился инфаркт. Жертвой (в смысле, консультантом) назначили меня, поскольку инфаркт осложнился какими-то нарушениями сердечного ритма, а это как раз моя специальность. В ответ на вежливый вопрос, когда нужно ехать, мне не менее вежливо было сказано, что не ехать, а лететь санавиацией, а машина на аэродром – у ворот

института. Ну, что же, дело привычное: примерно через час я уже был в кабинете директора аэропорта «Ржевка».

Тут меня ждал первый сюрприз: все самолеты санавиации «в разгоне». Ладно, подумал я: вертолетом тоже не впервой. И тут – второй сюрприз. Оказывается, санитарного вертолета тоже нет, зато – надо ж, какая удача – буквально через пять минут в Петрозаводск летит грузовой «МИ-4», они его специально для меня придержали. Должен сказать, что на вертолетах «МИ-2», «МИ-4» и даже «МИ-6» я налетался вволю: в основном, конечно, в горах – на Кавказе, Тянь-Шане, Памире - на спасработках. Но это все были птички, оборудованные для пассажиров, с креслами (в крайнем случае - скамейками) и звукоизоляцией. А тут? Как человек довольно опытный, я сразу сообразил, что мало мне не покажется. И ведь как в воду глядел. Забравшись внутрь, я увидел много ящиков, зато не увидел никакой звукоизолирующей обшивки. А кресла где? «Сидеть будешь здесь, доктор» – сказал один из пилотов, и показал на доску между двумя ящиками.

Ну, в добрый путь: как только начал вращаться несущий винт, я сразу понял, чем грузовой вертолет отличается от пассажирского. Вы хорошо представляете себе шейкер для смешивания коктейлей? Значит, вам понятны мои ощущения: я чувствовал себя внутри шейкера. Звук – примерно как у реактивного самолета, когда он на рулежке прогревает двигатели перед взлетом. Только длится это не несколько секунд, а всю дорогу, все два с половиной часа полета до Петрозаводска.

Однако все когда-нибудь кончается. Меня встретили как родного, но понял я это только по губам, потому что до самой Республиканской больницы, куда мы приехали из аэропорта, абсолютно ничего не слышал. Кроме того, у меня заметно тряслись видимые части тела, то есть руки и голова. Надеюсь, петрозаводские коллеги не подумали ничего плохого.

Итак, собрали мы консилиум, посмотрел я их высокопоставленного пациента. Как и думалось, никаких «ужасных ужасов» у него не оказалось. Это ведь, знаете, старая шутка: иногда больного показывают доктору, а иногда доктора больному. А тут, ясное дело, второй вариант: товарищу депутату оказали уважение, выписали консультанта из Ленинграда. Но некоторую неловкость петрозаводские коллеги, судя по всему, все же испытывали. Поэтому, пошушукавшись немного, они мне сделали предложение, которое меня привело просто в бурный восторг. Боже мой, в кои-то веки мне предложили не сауну с водкой (а это самый распространенный вид гостеприимства), а отвезти на склад издательства «Карелия» и выбрать там себе книжек по вкусу на сумму 20 рублей 00 копеек. А надо сказать, что издательство «Карелия» славилось своим либерализмом на весь покойный Советский Союз, и выбрать там было что. Аж дух перехватило, когда меня завели в большую комнату с низким потолком, где прямо на полу, в коробках и без, лежали книги. Между штабелями книг – только узкие проходы.

Молодым не понять, сейчас все есть: как говорится, любой каприз за ваши деньги. А тогда... Существенная часть бюджета оставлялась на так

называемых «толчках», книжных рынках. У меня, правда, была другая, уникальная возможность добывать хорошие книги. Я занимался горным туризмом. Наши походы начинались и заканчивались, как правило, в маленьких горных городках и поселках Средней Азии. Названия – как музыка: Ванч, Хорог, Кудара, Мургаб, Пасруд... Книг там, конечно, никто не читал, а вот книжные лавки были. И почта была. Как правило, лавка была закрыта, и нужно было разыскать дома хозяйку. Отпирали нам охотно: какая-никакая, а выручка. И вот мы рылись в этих сокровищах, а потом отправляли с почты посылки с книгами домой, в Ленинград. До сих пор помню книги киргизского издательства «Кыргызстан», таджикского – «Ирфон», казахского – «Жазушы», узбекского – имени Гафура Гуляма. Но вернемся в Петрозаводск. Там, на складе, я выбрал семь книг, в том числе – роскошный и дорогой подарочный двухтомник Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье», томики стихов Ахматовой, Цветаевой и Пастернака. Как бы невзначай гладил другие книжные корешки, но «сопровождающее лицо» не отреагировало. И все равно: счастье было почти полным.

Не подумайте, не все командировки были такими бессмысленными с медицинской точки зрения: приходилось и делом заниматься. Одно время в круг моих обязанностей входило сопровождение больных в НИИ трансплантологии и искусственных органов в Москве, на пересадку сердца. Больше всего запомнилась самая первая такая транспортировка. Большой – молодой парень 30-ти лет, с тяжелым врожденным заболеванием

сердца. Шансы поправиться, да и просто выжить – практически нулевые. Единственная надежда, хоть и слабая, это трансплантация сердца. В аэропорт «Пулково» парня привезла кардиологическая бригада «скорой помощи». Я его ждал у самолета. В салон вместе с женой он поднялся сам, я – следом.

Самолетик Л-410, чехословацкий, реактивный, смотрелся белым лебедем в сравнении с нашими винтовыми АН-2, на которых приходилось летать раньше. Но вот внутри... Ни кардиомонитора, ни дефибриллятора, вообще – ничего. Задние ряды кресел сняты, прямо на пол брошены брезентовые носилки. Да-а-а, у меня, конечно, все, что нужно, с собой, но если что серьезное? Как выяснилось чуть позже, мысли эти были вполне вещими. Но пока – больного на носилки, мы с его женой – рядом в креслах. Короткий разбег - полетели! Поначалу, вроде, все спокойно, только холодно очень. Одежд, конечно же, никаких нет. Пришлось попросить пальто у дамы, да мой плащ – кое-как больного укрыли. Скоро, правда, стало не до температуры: самолет поднялся высоко, и парень мой начал задыхаться. Кричу летчикам: «Давайте ниже!» – «Хорошо» – говорят, и снижаются, но мало. Больной задыхается по-прежнему: похоже, начинается приступ сердечной астмы. Быстро ввожу в вену все, что положено, но толку – чуть. Ору: «Давайте ниже, ниже». – «Да мы ж разобьемся» – отвечают, но еще немного снижаются.

Черт его знает, то ли оттого, что летим ниже, то ли лекарства подействовали, пациенту явно легче: не синееет больше, и дышит лучше. Про-

ходит минут пятнадцать, мы облегченно вздыхаем. И тут у парня начинается сильная рвота, а потом то, о чем я думал на старте и чего боялся: он хрипит, вытягивается и закатывает глаза. Называется это «клиническая смерть». Первая мысль почему-то: хана моему плащу! Быстро опускаюсь на колени у носилок, отбрасываю в сторону плащ и пальто и начинаю делать закрытый массаж сердца. Потом – дефибриллятора-то нет – бью дважды сильно кулаком по груди и снова массирую сердце. Уф-ф-ф: парень глубоко вздыхает, открывает глаза и, чуть погодя, говорит: «Больно!» Ну, еще бы не больно: врезал-то я от души. Зато жив! Цирк, а не реанимация, даже рубашку больному не расстегнул.

Дальше, слава Богу, все штатно. Снижаемся, садимся в Шереметьево. Кардиореанимационная бригада подкатывает прямо к трапу. Рассказываю коллегам о наших воздушных приключениях. Решаем ничего дополнительно не вводить. Да и зачем? У них-то машина оборудована – супер! Для жены нашего подопечного места нет, отправляем ее на такси. А сами через час уже на месте, в клинике. Оформляем положенные бумажки, прощаюсь с парнем, желаю ему удачи – и я свободен: могу отправляться в Шереметьево, где меня ждет билет на обычный рейсовый самолет Москва-Ленинград. Так и делаю: не торопясь, на метро, потом на автобусе. Забираю билет у администратора, иду на посадку. Предъявляю билет, небрежно ставлю свой портфель на ленту транспортера для проверки и только в этот момент соображаю: у меня в портфеле-то много чего интересного! Точно – попал. Вежливая девушка говорит:

«Откройте портфель, пожалуйста». Со вздохом открываю – что делать. А в портфеле сверху – сложенный плащ, источающий аромат, вы помните, чего. А под ним – шприцы, жгут, ампулы... в том числе и наркотики, между прочим. Хорошо – я вовремя вспомнил, что обо мне знают в медпункте аэропорта. Пришлось попросить вызвать оттуда доктора, который засвидетельствовал мою благонадежность. На этом, к счастью, приключения закончились.

А вообще во всех этих многочисленных поездках «приключение» – ключевое слово! Командировка – какая бы тяжелая ни была – все равно отдых. Это возможность стряхнуть с себя рутину. От чего больше всего устаешь? От необходимости постоянно «быть в тонусе», мгновенно переключаться: больной у тебя в кабинете – какая-нибудь «хозяйственная» бумага – подсунутая доктором кардиограмма – консультация по Интернету – полстранички научной статьи – тяжелый больной на отделении – какой-то организационный вопрос – пара слайдов новой лекции... От людей устаешь, от ответственности за чью-то жизнь, от постоянного «чи-и-и-з», от того, что не имеешь права расслабиться. И вдруг стоп: командировка. И даже если это 35 часов лекций за пять дней (бывало и такое), все равно похоже на отпуск. Ведь едешь с приятными тебе людьми, живешь в гостинице, кормят тебя (и поят, кстати!). И ни за что не отвечаешь! Хотя бы на время ты можешь не ходить в туалет с мобильным телефоном, не вскакивать ночью от телефонных звонков, не думать (или почти не думать) о тяжелых больных или о том, что опять протекает труба в 32-й палате.

Свобода! В общем, как завещал господин Павлов Иван Петрович, академик и нобелевский лауреат, отдых – это перемена занятий.

Конференции.

И днём и ночью кот учёный

Всё ходит...

Там чудеса...

Там на неведомых дорожках...

Там русский дух...

И там я был, и мёд я пил...

А.С.Пушкин

Быстро все меняется в нашей научной жизни. Когда-то мы ездили на конференции для того в первую очередь, чтобы узнать что-то новое. Да и как по-другому? Напишет кто-нибудь умную статью, отправит ее в журнал – и жди год-полтора, пока ее опубликуют. А за иностранными журналами иди в Публичную библиотеку. Много там читаешь? Да и негусто их, этих журналов, попадало в Советский Союз. Были, правда, еще реферативные журналы. Но эта скудная информация вызывала порой только раздражение и зависть. Сейчас на конференциях мы, конечно, тоже делаем свои доклады и слушаем чужие. Однако, мне кажется, это уже не главное. Теперь конференция, съезд, симпозиум – скорее возможность встретиться с коллегами из разных стран мира (да и из своей

страны тоже), поговорить, обсудить проблемы, договориться о совместной работе. На Европейский конгресс кардиологов, например, каждый год приезжает около 25 тысяч врачей.

Помню, как наше общение с западными коллегами выглядело раньше. Публиковал ты, к примеру, статью в каком-то приличном журнале, ну, скажем, «Кардиология». А через некоторое время получал некоторое количество открыток – из США там, Канады или ФРГ – с просьбой прислать оттиск твоей статьи. С одной стороны приятно, да и детям радость: они марки иностранные, красивые «отпаривали» над кипящим чайником. С другой – головная боль. С этой открыткой ты что, на почту бежал, оттиск отправлять? Н-е-е-ет, шел ты с ней к начальнику I-го отдела. В нашем институте это был человек по прозвищу Жан-Жак, поскольку звали его Иван Яковлевич. И говорил ты ему печально, показывая открытку, что вот ведь враги, не дают покоя. А самому послать такую открытку – это ж, страшно подумать, вступить в переписку с потенциальным противником!

А сейчас самая свежая информация – да вот она, доступна любому. Тех же медицинских журналов по моей, скажем, специальности стало больше на порядок. Но главное – Интернет: умею только им пользоваться. Есть медицинские поисковые системы, «Summary» (краткая информация) любой статьи из любого журнала – в свободном доступе. Да и полнотекстовых журнальных статей в сети достаточно. А электронные медицинские журналы? Ну, а уж если тебя интересует что-то из того, что

за деньги – не разоришься! Конечно, в этом смысле наша страна еще мало цивилизована. Любое практически сколь-нибудь серьезное западное образовательное или научное учреждение имеет подписку на те журналы, которые интересуют его сотрудников.

Так что общение важнее информации, для меня во всяком случае. А кроме того, давайте честно, участие в конференциях – это возможность побывать в разных странах мира. Я, к счастью, не бывал за границей в то время, когда рекомендовалось перемещаться по вражеской территории тройками и в черных костюмах вне зависимости от температуры окружающей среды. «Выездными» тогда были в основном руководители учреждений и иже с ними, да чиновники высокого ранга. Думаю, посмотреть на некоторых из них было бы очень забавно. Впрочем, вполне могу представить себе, как это иногда могло выглядеть. На одном из Европейских конгрессов кардиологов, проходящих лет 12 назад в городе Бирмингеме, представитель пригласившей меня фармацевтической компании попросил оказать посильное содействие в опеке высокопоставленной персоны из дружественной страны Туркмении. Персона оказалось мужчиной лет пятидесяти, очень серьезным, с темным от загара лицом, неподвижным взглядом, каменными скулами,двигающимся очень плавно, с большим достоинством. Короче, он сильно смахивал на памятник самому себе. Из визитной карточки следовало, что он и в самом деле очень большой начальник там у себя в городе Ашхабаде (сейчас, кажется, это надо произносить «Ашгабат»). Собственно, помочь ему мне удалось всего один раз,

зато запомнилось это надолго.

В свой единственный свободный день мы, естественно, поехали на экскурсию в Лондон. На поезде это недолго, часа полтора. Ну, в Лондоне – сами понимаете – стандартный набор: экскурсия по городу на двухэтажном омнибусе, Вестминстерский дворец, Тауэр, собор Св. Павла, Кью Гарденз и т.д. Однако у меня не складывалось впечатление, что нашего туркменского коллегу все это сильно интересует. Он постоянно смотрел на часы и озирался по сторонам явно не в поисках какого-то особенно красивого вида для увековечения себя на его фоне. Да и не было у него фотоаппарата. Черт его знает, может, он туркменский шпион и сейчас начнет отрываться от слежки? Оказалось – все гораздо проще. В тот самый момент, когда на Трафальгарской площади «Russian delegation» с восторгом приступила к кормлению голубей здесь же купленным кормом, он потянул меня за пуговицу и строго сказал: «Надо в магазин. Где одежду продают». Я попытался робко возразить, что, может быть, центр Лондона – не лучшее место для покупок, здесь самые дорогие магазины этой не самой дешевой страны. Но мне было строго сказано: «Пойдем, деньги есть». Ну, есть – так есть. Буквально в 50 метрах, собственно, и началась улица, состоящая из самых дорогих магазинов. Почти сразу мой подопечный ткнул в вывеску с неброской надписью «Hugo Boss». Надо полагать, как минимум, одно из этих слов было знакомо туркменскому начальнику, и это слово ему явно понравилось.

В магазине нас встретили как родных. Видно, в отличие от меня, они

такое уже видели. Оказалось, что коллеге из дружественной страны нужна сущая мелочь: два костюма (черный и серый), дюжина рубашек, десяток галстуков и две пары туфель. Все это я сообщил встретившему нас любезному господину, после чего любезных господ сразу стало пятеро. Туркмена стремительно уволокли в примерочную. Некоторое время я наблюдал за мельканием предметов одежды за ширмой. Продолжалось это минут десять, не больше, после чего все выбранное унесли подгонять по фигуре. Как выяснилось, стоила одежда недорого: каких-то десять тысяч фунтов с мелочью. Честно говоря, не думал, что после всего этого коллеге удастся меня еще чем-то удивить. Признаюсь, был не прав. Из внутреннего кармана пиджака он вытащил две пачки денег в банковской упаковке и сказал: «Дай им!» Я бы дал, мне не жалко, но это были абсолютно американские доллары! Мои жалкие попытки объяснить, что Лондон – это такой специальный город в такой специальной стране Великобритании, где деньги называются «фунты стерлингов», не имели успеха. Товарищ отвечал: «Ну и что»? В общем, я плюнул и побежал менять его баксы. По дороге я развлекал себя тем, что придумывал разные не вполне литературные слова, которыми отвечу моему Ротшильду на вполне ожидаемое предложение понести часть пакетов с одеждой. Я даже расстроился, когда меня просто попросили указать, куда надо все это барахло доставить. Как ни странно, спектакль продолжался всего-то с полчаса, и когда мы вернулись к нашим коллегам, они как раз завершали процесс кормления птичек.

Однако смеяться над другими – дело нехитрое. Нельзя сказать, что мы, российские граждане, поначалу в массе своей вели себя прилично. Достаточно вспомнить о выставках, всегда сопутствующих конференциям, когда товарищи из Советского Союза, а потом – господа из России, с трудом дождавшись открытия экспозиции, устремлялись бурным потоком к выставочным стендам, где под снисходительными взглядами представителей западных фирм сметали разноцветные шариковые ручки, блокноты, полиэтиленовые мешки, зонтики и все прочее, что блестело, переливалось, шелкало, крутилось... Налетай, халява! Теперь, к счастью, это закончилось. Ручки их вражеские нам не нужны, всю эту муру представители фармацевтических компаний приносят прямо на работу. А несколько лет назад на очередном конгрессе кардиологов произошло знаковое событие: появился, наконец, первый (и пока последний) выставочный стенд с нашим, российским оборудованием. Хорошо знакомые и очень симпатичные люди из Москвы. Идешь это себе степенно по огромному выставочному залу, глядь – вот они, снова приехали. Здравуются и смотрят вопросительно. «Угу» – отвечаешь. И тут появляется откуда-то бутылка хорошего коньяка. 50 грамм за встречу – и делаешь следующий виток по выставке, но уже с чувством гордости за Родину.

А фуршеты во время или после конференций? Надо и о них сказать пару слов. Хорошо помню, как нас, сотрудников института, пригласили на первый такой фуршет в Ленинграде, в гостинице «Прибалтийская». Один из нас, самый опытный, поскольку уже участвовал в таких мероп-

риях, активно борясь за мир во всем мире (в организации «Врачи без границ», по-моему), учил коллектив жизни. «Ребята, говорил он: главное – не подорваться на ерунде!» В смысле, не набрасывайтесь на закуски, будет еще и горячее. Эта фраза впоследствии стала поговоркой, хотя тогда совершенно не помогла. Все из-за официантов, которые не справлялись с поставленной задачей. Они, правда, честно пытались докатить сервировочные столики от дверей, ведущих из кухни, до накрытого стола. Но раз за разом на этом нелегком пути возникало какое-то оживление, роение... Примерно с половины пути они могли спокойно возвращаться на кухню. Но меня лично все это интересовало мало, поскольку на столах стояли большие графины с апельсиновым соком. Вы видели апельсиновый сок в конце 80-х? Я – нет! Помните конусообразные стеклянные емкости, по три штуки на металлическом каркасе, с «крантиком» внизу? В них был сок: разный - яблочный, грушевый, виноградный, березовый, вишневый. Но апельсинового в природе не существовало. А тут – вот он, пей, сколько хочешь. Возвращался я, тяжело отдуваясь, слегка побулькивая на поворотах и при резких движениях. Не знаю, может быть это и называлось «подорваться на ерунде», но мне понравилось быть минером.

Ну и расскажу, пожалуй, про самую первую мою в жизни поездку на конференцию в другую страну. Это был 1991-й, по-моему, год. Перестройка в разгаре. Нас все любят. Присылают гуманитарную помощь в виде яичного порошка и початых упаковок с лекарствами с истекшим сроком годности. И вот – приглашение на конференцию стран Балтийского моря

по аритмиям, в Швецию, в Стокгольм. Зовут аж четырех человек от института. Высокое начальство решает: раз конференция по нарушениям ритма сердца – пусть едут те, которые занимаются аритмиями (не смейтесь, это верх либерализма: далеко не в каждом НИИ так). Во-первых, это наш Учитель, профессор, зав лабораторией. Во-вторых – самый молодой из нас, зав кабинетом электрофизиологических исследований. В-третьих – я, старший научный сотрудник. Да, ну и в-четвертых – профессор, зав фармакологическим отделом: в аритмиях он, правда, не соображает, зато член партбюро. В последний момент я получаю приглашение на эту конференцию от компании «Siemens», которая в те годы производила электрокардиостимуляторы, и у нас появляется возможность взять пятого участника мероприятия: еще одного старшего научного сотрудника.

Собираемся на совет. Понятное дело, скромный опыт участия в международных конференциях есть только у фармаколога. Да еще Учитель один раз побывал аж в Югославии. Так что мы, трое молодых, внимательно их слушаем. В результате принимаем три важных решения. 1. Мы должны вести себя достойно, не посрамить, оправдать, соответствовать изо всех сил. 2. Надо соблюсти приличия и отправить на конференцию тезисы доклада. Их, понятное дело, не примут как по объективным причинам (вследствие убогого содержания), так и потому, что сроки подачи тезисов уже вышли. Зато мы будем чисты перед Родиной. Обеспечить эту чистоту поручено мне. 3. Раз Оргкомитет конференции выделяет средства на прием дорогих гостей (то есть нас) и оплачивает дорогу (хоть бы

даже и самолетом, если нам угодно) и проживание в гостинице, то мы, как люди умные, выберем самый дешевый вариант доставки наших тел: на автобусе до Хельсинки, а там – на пароме в четырехместной каюте (плюс одно место в такой же каюте) до Стокгольма. А скажем, конечно, что летели самолетом. Немалую же разницу в стоимости билетов честно поделим.

Ну вот, стало быть: раз поручено – написал я эти тезисы. На русском, естественно. С английским у меня и сейчас-то проблемы, а тогда, в начале 90-х, и вовсе ни слова. Однако нашелся в НИИ умный человек, единственный, гордость института, с очень хорошим английским. К нему-то я и обратился за помощью. Спасибо ему, текст был переведен и отправлен.

И тут случилась неприятность. Спустя непродолжительное время мы получили ответ из Оргкомитета конференции, в котором было сказано, что да, уважаемые русские коллеги, мы с удовольствием принимаем Ваше сообщение в качестве устного доклада на таком-то секционном заседании. Опа-а-а-а, довыпендривались! И что делать? Слезно прошу все того же умного человека, и он, хорошо (для идиотов) артикулируя, наговаривает мне на диктофон текст доклада. С этого момента у меня появилось дело – учить наизусть этот самый текст.

Параллельно решаем визовые проблемы, билеты покупаем на автобус и паром. А вот и время подошло ехать. Загружаемся в автобус Ленинград-Хельсинки: у всех настроение замечательное. Кроме меня, естественно: учу доклад. Минуем Выборг, подъезжаем к границе. Вот он,

первый в жизни паспортный контроль. Но что-то пошло не так, причем еще на нашей, советской стороне. Офицер-пограничник внимательно рассматривает паспорт Учителя и говорит: «Виза у вас оформлена неверно!» «Как, неверно?» – возмущается Учитель. «Да так» пожимает плечами пограничник и объясняет всем нам, столпившимся вокруг: «Видите, визовая наклейка не покрыта ламинатом, и подпись консула отсутствует». Техническая, короче, ошибка. Так что светлый путь вам, товарищ, обратно в финское консульство. Ну, тут мы начинаем говорить все сразу, беспорядочно и громко. Погранец снисходительно на нас смотрит и говорит: «Да езжайте, мне-то что. Финны его все равно не пропустят». И тут он делает уникальную, по-моему, вещь: берет шариковую ручку и по-простому, прямо на странице паспорта, рядом с визой, коряво выводит – «виза оформлена неверно», после чего машет рукой – езжайте, мол. Настроение у всех – сами понимаете. Главный наш, который партийный фармаколог, авторитетно объясняет, что лучше потерять одного бойца, чем всю делегацию. Учитель мужественно молчит. Мы, остальные, робко вякаем, что нехорошо бросать товарища в беде. А тем временем – финская сторона. Учитель со своим опоганенным паспортом обреченно идет к финскому пограничнику. За ним – наш зав кабинетом электрофизиологических исследований, поскольку Учитель ведь – ни слова по-английски. Вообще, кстати, в нашем ученом коллективе знает язык только один человек: профессор-фармаколог. Знает очень прилично. Но не разговаривает. Совсем. Ну, барьер у человека. Что же касается нашего электрофизиолога,

то он английского не знает, или почти не знает. Зато разговаривает, причем довольно бойко. Наглый он, никакого барьера нет. И вот на своем «бьютифл инглиш» наш самый молодой коллега объясняет финну, что по вине финского консульства придется отменить эпохальную конференцию в Швеции, если великий русский ученый, то есть наш Учитель, туда своевременно не приедет. И ведь уговорил-таки финнов, поставили они визу прямо на границе. Ну и отправились мы, громко обсуждая события, прямо в Хельсинки. А там – паром, этажей (в смысле – палуб) девять, по-моему. Шикарная четырехместная каюта с двухъярусными койками: два профессора внизу, двое помладше – наверху, один – по соседству. Но нас греет мысль о том, какую кучу шведских крон мы получим за эти неудобства.

А вот и Стокгольм. Раннее утро, часов семь, наверно. Куда идти – совершенно непонятно. Мысль о такси даже в голову никому не приходит, хотя кроны у нас уже появились: обменный пункт – на пароме. Наконец, смущаясь и краснея, заикаясь и мекая, профессор-фармаколог спрашивает у проходящего шведа, как добраться до центра города. Надо сказать, что из всех нас только мне, как приглашенному фирмой, было известно, в какой отель идти. Остальным – сначала в Оргкомитет, в Конгрессхолл. Гостиница моя была пятизвездочная, в центре города. Ну, собственно, туда мы все и отправились пешком с чемоданами наперевес. Часика через полтора пришли.

«Крутая» гостиница, надо бы заявить свои права на проживание. Под-

хожу к стойке регистрации, очень сильно напрягаюсь и произношу заранее приготовленные фразы про «фром Раша», фирму «Сименс», бронирование и прочее. Очень не сразу, но симпатичный молодой человек на регистрации все же услышал какие-то знакомые для себя слова и выдал мне заветный ключик. Всей толпой мы отправились ко мне в номер. Он оказался очень даже ничего: просторный, двухкомнатный, с холодильником и телевизором, большой ванной комнатой с кучей всяких бутылочек и баночек, назначение которых я знал очень приблизительно. Старшие товарищи решили отдохнуть и присели перед телевизором. А мы, трое молодых, решили немного погулять по Стокгольму. Очень этот город люблю: он мне и сейчас не надоел, хоть я и был там раз пятнадцать. А тогда, в первый раз... Хельсинки ведь не в счет, мы там были два часа, и то в порту. В общем, потолкались в узких улицах старого города, походили по набережным, посмотрели на ратушу и королевский дворец... Вернулись часа через три. Подходя к номеру, услышали странные звуки. Представьте себе: с интервалом в 3-4 секунды, ритмично, почти одновременно, женский голос – длинно – от низких нот к высоким – «А-а-а-а-х!», «А-а-а-а-х!», «А-а-а-а-х!»; и мужской голос – коротко – «Ух!», «Ух!», «Ух!». Догадались, конечно? Ну, а мы-то по тем временам – только тогда, когда дверь открыли. Два профессора сидели перед телевизором рядышком, не дыша, и смотрели на действие, которое принято обозначать знаком «XXX». Это был платный порноканал, который они случайно включили. Думаю, представители компании «Сименс» получили немалое удовольс-

твие, оплачивая мой номер.

Коллеги засобирались с вещами в Оргкомитет узнавать, где их посядут. Ну, а я остался. Сами понимаете, доклад учить. Договорились встретиться вечером. Время пробежало незаметно. Вечером добрался до места проведения конференции. Как в известном анекдоте, меня ждали две новости, плохая и хорошая. Оказывается, нам, как и было обещано, будет оплачена дорога до Стокгольма и обратно. Но в полном соответствии с представленными билетами на автобус и паром. Нефиг было жадничать. Зато мы получили какие-то деньги на пропитание (суточные): по моим теперешним представлениям – копейки, а тогда – и для профессоров вполне приличная сумма! К этому времени коллеги уже знали, что трое из них будут жить в гостинице типа общежитие, недавно переделанной из тюрьмы (кроме шуток, абсолютно серьезно), в двухместных номерах. А Учителя поселили в гостинице при железнодорожном вокзале. Номер у него был одноместный, но, как выяснилось впоследствии, площадью 2X2 метра и с видом на рельсы. С этого момента я понял, что по возвращении меня либо сгноят, либо уволят. Но все разрешилось к общему удовольствию: просто Учитель все свободное время проводил в моем номере.

А в Конгрессхолле я подошел к стенду компании «Сименс», где меня ждали, более того – уже знали. Дело в том, что, как выяснилось, меня по ошибке (а на самом деле потому, что я так объяснился на регистрации в гостинице) поселили в номер, предназначенный одному из крупных чиновников компании. Но было уже поздно, не выселять же! Оценив качес-

тво моего английского, шведские друзья решили, что, пожалуй, дешевле для них обойдется, если они приставят ко мне переводчика. Тут же меня с ним и познакомили. Это оказался инженер фирмы, маленький толстый человечек, в 60-е годы еще ребенком эмигрировавший из Польши волею пославшего его (и еще очень-очень многих) Гомулки. Мы договорились начать наше общение на следующий день, когда откроется конференция. А сегодня – свободный вечер. Возвращаюсь к коллегам. Договариваемся о том, что они разместятся в своих гостиницах, после чего мы встречаемся в гостях у Учителя. У него есть план. Вернее – мечта! Из художественной литературы ему известно, что (сугубо теоретически) существует некое мифическое блюдо под романтическим названием «пицца». Много лет он мечтал попробовать этот деликатес. Сегодня вечером его мечта должна осуществиться.

Ну вот, встречаемся, все, кроме профессора-фармаколога: у него своя программа. Заодно знакомимся с гостиницей Учителя, а ребята рассказывают о своей. Оказывается, это и вправду бывшая тюрьма, и стилизована она под тюрьму. А за отдельную плату там даже можно совершить побег: спуститься из окна по веревочной лестнице. Не торопясь, идем по Стокгольму, ищем слово «pizza», и буквально через 100 метров, естественно, находим. Ну, прямо скажем, не дворец, зато на неоновой вывеске – «Mexican pizza»: то, что надо. «Mexican» нас абсолютно не смущает, главное – «pizza». Заходим, рассаживаемся. Пицца готовится прямо здесь, в зале. Молодой человек держит в руках по сковородке, на каждой – по

здоровому блину. Судя по всему, это он перед нами выпендривается, одновременно подбрасывая оба блина, которые, перевернувшись несколько раз в воздухе, аккуратно шлепаются на место. Пока мы изучаем процесс, официант приносит по высокому бокалу с ледяной водой. Это меня слегка настораживает. Но тем временем приносят и пиццу. Это очень красиво! Она покрыта чем-то ярко красным, сквозь это красное проглядывают кусочки ветчины, оливки и прочие ингредиенты. Что же это красное? Все-таки хорошо, что я научный сотрудник. Аккуратно поддеваю на вилку крошечный кусочек этого красного и кладу на язык. Сразу становится понятным, для чего тут холодная вода: это жгучий красный перец! С трудом отдышавшись, объясняю удивленно глядящим на меня коллегам, какой опасности они только что избежали. Аккуратно счищаем перец с поверхности и начинаем есть. И все равно воды не хватает, приходится просить еще. Учитель счастлив, его мечта сбылась. Опять же, теперь мы знаем, чем отличается мексиканская пицца от итальянской.

Ну, вот и закончен вечер. Провожаем Учителя до его гостиницы. При этом он отбивается от нас, говорит, что и сам прекрасно доберется. Но мы настойчивы, и, прощаясь, покидаем его лишь в 10 метрах от входа. Что-то заставляет меня тут же обернуться: вижу, как Учитель, пристально глядящаясь в номера домов, бодро идет мимо входа в отель. Бегом возвращаемся и водворяем шефа на место. Тут же договариваемся о том, что по очереди будем его, во избежание проблем, сопровождать от гостиницы до Конгрессхолла и обратно.

Прощаемся до утра. Возвращаюсь к себе, наконец, есть время осмотреться. Раскладываю вещи, внимательно изучаю все, что находится в номере. Мое внимание привлекают продолговатые картонки с дырками. Ага, они по форме одинаковые, но по содержанию разные. Их два вида. На одном написано «Don't disturb». Ну, это и мне понятно: дырка, стало быть, для того, чтобы вешать на ручку двери с внешней стороны. А это что? Э-э-э, да тут много чего написано! Да это ж меню. Слова знакомые: egg, gem, sake, omelet. Оказывается, здесь еще и кормят по утрам, надо только галочки поставить и время завтрака указать! С этого момента я каждое утро получал завтрак в номер. Опять же, фирма «Сименс», видать, сильно удивлялась при оплате номера моему жлобству. Извините меня, коллеги: тогда, в 1991 году, мне уже было известно, что такое «шведская семья», но что такое «шведский стол», я еще не знал.

А на следующий день началась конференция. Я уже был в курсе, что мое выступление – в последний день. Поначалу очень этому обрадовался: больше времени на подготовку. Но коллеги мои, гады, гуляли по городу, а я сидел в гостинице и, как вы уже знаете, учил доклад. Да еще, как правило, в компании с Учителем, которому у меня по вполне понятным причинам нравилось гораздо больше, чем в его привокзальной гостинице. Ну, а когда шеф узнал, что мне выделили переводчика, он совсем расстроился. В общем, в свободное от конференции время мы гуляли втроем: Учитель, переводчик и я. В первый же вечер конференции переводчик, узнав, что мы впервые в Стокгольме, предложил повозить нас на своей машине и

показать город. И вот они – городская ратуша, Дроттнингхольм, корабль «Васа», Скансен, Миллесгарден... Болтаем по дороге: как у них в Швеции, как у нас в Союзе... Присмотревшись к нам с Учителем в профиль и познакомившись с нами поближе, переводчик, наконец, осмелился спросить: «Господа, а вы случайно не»? – «Да!» – ответили мы с Учителем хором. – «Тогда, быть может, вам любопытно будет взглянуть на нашу стокгольмскую синагогу и сравнить ее с вашей»? – «Да мы в нашей-то ни разу не были», ответили мы с Учителем. После продолжительной паузы переводчик спросил: «То есть как, совсем»? – «Совсем», признались мы. «Да-а-а, понимаю», сказал переводчик, хотя видно было, что ничего не понял: ну ладно еще я, человек молодой, но Учитель с его благородными сединами! Ну как объяснить польскому еврею из Швеции, что у членов КПСС, к тому же полковников Советской Армии это как-то не принято? В общем, похоже, у переводчика появилась цель в жизни. Он сказал, что сегодня, конечно, выходной, но для дорогих гостей, то есть нас, все откроют и покажут. Синагога оказалась небольшим зданием с куполом, не очень приметным. Действительно все открыли, экскурсию провели. Но интерес не в этом. По завершении ознакомительной части нам выдали подарки в виде набора открыток о жизни еврейской общины Стокгольма. Открытки были в упаковке, на упаковке – фото синагоги. Увидел это фото – чуть не упал от смеха. Фотограф, видать, лег на землю и снимал снизу вверх. Создавалось впечатление, что синагога сильно выше Исаакиевского собора. В общем, знай наших!

На следующий день любезные коллеги из фирмы «Сименс» предложили экскурсию на завод, где делали электрокардиостимуляторы. Узнав об этом, Учитель сказал: «Я тоже поеду, у меня есть деловое предложение для фирмы. О совместной научной работе». Делать нечего, говорю переводчику: «Уважаемый профессор тоже хочет поехать на завод, чтобы встретиться с дирекцией по поводу совместного проекта». Переводчик докладывает начальству. Те, видать, серьезно к этому всему относятся. Директор завода, говорят, только завтра, к сожалению, может с Вами встретиться. Придется перенести Ваш визит. Ну, что ж, на следующий день после окончания программы конференции выходим к ожидающему нас «Саабу». Оттуда выходят двое молодых людей – инженеров фирмы. Представляются, безошибочно определяют, что главный в нашей компании – Учитель, и заговаривают с ним по-английски. Шеф прячется за переводчика и говорит, что, к сожалению, английский-то не очень хорошо знает, он только по-немецки свободно говорит. Я – аж замер, сразу понял, что дальше будет. Учителя-то в Военно-медицинской академии научили, думаю, свободно произносить лишь «хенде хох» и «Гитлер капут». И точно. Оба парня непринужденно перешли на немецкий. Дальше – продолжительная пауза, и мы продолжили общение через переводчика.

Приехали на завод, который оказался за городом. Для начала – экскурсия, знакомство со всеми этапами производства электрокардиостимуляторов. Чистота – как в операционной. Затем – в качестве одного из компонентов экскурсии – обед в заводской столовой. И, наконец, куль-

минация: беседа с директором завода. А мне и самому интересно, какая светлая идея пришла в голову Учителю, что он будет предлагать? Итак, действующие лица: нас двое из Петербурга, директор, двое инженеров, которые нас встречали, переводчик и еще один швед, представленный как руководитель отдела научных разработок. В общем, семь человек. Обмениваемся всякими вежливыми словами, время идет, пора переходить к делу. Все ждут, когда же Учитель начнет переходить, а он медлит что-то. Наконец (полчаса где-то прошло) директор не выдерживает и спрашивает, какие же предложения имеет высокая договаривающаяся сторона к фирме «Сименс»? И тут Учитель начинает говорить. О том, что мы теперь открытая страна. И что капиталистам по этому поводу очень повезло, потому что весь гигантский потенциал советской науки теперь может быть использован для совместного блага. И что он понимает, что в условиях производства этих самым электрокардиостимуляторов, в погоне за прибылью, компании «Сименс», конечно, не до новых научных разработок, зато теперь, с нашей помощью, у них появляется шанс победить всех конкурентов. И вот такую фигню – минут 15! Заканчивает. Пауза. Длинная. «А не мог бы уважаемый коллега несколько более подробно осветить суть своих предложений в русле предполагаемой совместной работы?» – спрашивает руководитель отдела научных разработок. «Пожалуйста, отвечает Учитель, мы предлагаем вам совместно разрабатывать новые кардиостимуляторы». – «Понятно, говорит теперь уже директор завода, но не могли бы вы пояснить: у вас, возможно, есть вполне конк-

ретные предложения по этому поводу»? – «Конечно», говорит Учитель. – «Да какие же, какие»? – довольно громко, потеряв терпение, спрашивает один из молодых ребят-инженеров. И тут шеф говорит: «А вот этого я вам сказать не могу, это наше “ноу-хау”». Занавес!!!

Обратно нас провожал один переводчик. Остальные, видно, остались обсуждать предложения Учителя. При выходе с завода нам вручили одинаковые подарки. Сейчас-то я знаю: уровень подарков соответствует уровню собеседника. Приехав в гостиницу, я развернул красивую обертку. Это была большая пластмассовая лупа.

Следующий день был последним днем конференции. Мой доклад. На мое счастье, в зале сидело от силы человек 20. В первом ряду – наш фармаколог. Страшно – очень, как вышел – не помню. Тщательно выговаривая по-русски английские слова, отбарабанил под слайды доклад, дождался жидких хлопков и сфокусировал зрение на группе поддержки (профессоре-фармакологе) в первом ряду. Лицо у группы поддержки было такое, будто он только что тщательно разжевал лимон и сейчас плюнет в меня косточками. Похоже, он и вправду знал английский...

В этот последний вечер нас еще ждал гала-ужин для участников конференции. По традиции он состоялся в городской ратуше, той самой, где чествуют убелевских лауреатов. Торжественные речи, торжественная еда, ну и менее торжественный треп коллег-врачей из разных стран. Это сейчас у меня десятки приятелей и знакомых в разных странах мира, с которыми мы встречаемся по несколько раз в год на конференциях, кон-

грессах, симпозиумах. А тогда, в первый раз, я встретил только одного: моего большого приятеля-профессора из Литвы. Он, между прочим, помог осуществить мою мечту. У каждого свои тараканы. Я, например, много лет мечтал о том, что когда-нибудь смогу зайти в кафе, сесть за столик и, не торопясь, читая газету или книжку, выпить чашку хорошего кофе. Вот не стоя за мраморным столиком, торопясь и обжигаясь, бурду из бачка, а в настоящем кафе настоящий кофе. Не торопясь. С книжкой. Примерно как Штирлиц в кафе «Элефант». Вот в такое кафе меня и отвел впервые мой литовский друг, спасибо ему за это. С тех пор, кстати, я это делаю в КАЖДОМ городе каждой страны мира, где бываю.

Между тем в городской ратуше коллеги, проживающие в гостиницетюреме, аккуратно складывали в кучку на скамеечку подле себя на черный день, что Бог послал со стола: пару бананов, яблочко, пару конфет. Рассчитывали еще перекусить на сон грядущий. «Соггу», сказал проходящий мимо официант, смахивая на поднос этот с его точки зрения мусор. А вот и финиш, день отъезда. Гостиницу надо освободить до расчетного часа, то есть до 12-ти. Мы заранее договорились, что коллеги утром соберут вещи и придут в мою гостиницу. К их приходу я уже был готов. На этот раз галочки в меню я поставил против каждого блюда, хватило на всех. Представьте себе лицо официанта, который в установленное время, предварительно постучав, вкатил в номер тяжело груженую тележку с едой и обнаружил там пятерых мужчин. А после еды наш электрофизиолог в вестибюле вежливо спросил, где можно оставить до вечера багаж

господина (то есть мой). Боюсь, что со стороны это выглядело так, будто мои пять чемоданов в специально отведенную комнату отнесли я сам и четверо носильщиков.

Почти полдня оставалось у нас до отхода парома в Хельсинки. Старшие товарищи отправились в путешествие по магазинам, а у нас троих, что помоложе, еще было важное дело. Оказывается, двое моих друзей все это время искали магазин, в котором продавались автозапчасти для итальянских автомобилей. Причем не просто итальянских, а, прямо скажем, довольно старых. Более того, для совершенно конкретного старого итальянского автомобиля, счастливым обладателем которого был один из нас, старших научных сотрудников. В Союзе начала 90-х найти такое было практически невозможно, а здесь, в Швеции, к последнему дню поездки этот единственный в Стокгольме магазин был найден. Туда, на окраину города, мы и отправились. Старший научный сотрудник всю дорогу, как в бреду, произносил какие-то непонятные заклинания. Я тогда еще не водил автомобиль и не понимал, что это были названия деталей к его любимому «Фиату», который мы называли «машиной итальянских безработных». В общем, магазин мы нашли. Он был закрыт. Общий смысл объявления на дверях заключался в том, что магазин прогорел и вчера закрылся. Навсегда.

Успокаивая безутешного коллегу, мы отправились гулять в город. Все было хорошо, доклад позади. Но в голове все равно непрерывно крутились обрывки выученных английских фраз. Я начал бояться, что это не

закончится никогда.

Обратная дорога в Ленинград, только что переименованный в Санкт-Петербург, обошлась почти без приключений. Разве что на границе Швеции и Финляндии Учителю опять попытались объяснить, что виза у него оформлена неверно. Но, поскольку остаться в Швеции он абсолютно не боялся, мы даже и внимания не стали обращать на такие мелочи. На пароме я еще успел сделать выгодное приобретение. Крон было совсем мало, поэтому я страшно обрадовался, когда увидел килограммовую коробку с жевательными конфетами разного цвета и формы. Какой классный подарок! Денег как раз хватило. Мои взрослые дети до сих пор вспоминают эти конфеты жуткого запаха и вкуса: они оказались с лакрицей, которую так любят шведы.

А ведь я не прав, наверно, когда писал о том, что конференции сейчас, спустя много лет, это в первую очередь место встреч, общения, разговоров. Эти люди, наши коллеги из других стран, к которым приезжаем мы и которые приезжают к нам – все-таки они нас учат. Знаете чему? Чувству собственного достоинства. Вы ощущаете, каким маленьким стал наш мир? Куда делись тысячи километров, которые нас разделяли? Все близко, и среди американцев и немцев, англичан и французов, шведов и канадцев мы не сразу, с большим скрипом, преодолевая свои комплексы, становимся теми, кем и должны быть: достойной – хотелось бы верить – частью этого сообщества.

Клиника

*Моим больным,
бывшим, настоящим и будущим.*

Доктор (во всяком случае, хороший доктор) – счастливый человек. Абсолютно бесплатно он может каждый день общаться, в числе прочих, с Интересными людьми. Конечно, дело это порой весьма утомительное, да и нравится не всем. Но: не нравится – не работай доктором. Опять же – вольному воля! Можно диалог с пациентом свести к общению, скажем, продавца в булочной и покупателя: – «Мне батон за тринадцать»; – «Пожалуйста»; – «Спасибо». Но неправильно это, ой, неправильно. «Если больному после разговора с врачом не стало легче, то это не врач» – еще Владимир Михайлович Бехтерев сказал (ему, правда, эта мудрость не помогла, если помните историю про диагноз «паранойя» Иосифу Виссарионовичу). Из числа лекций, которые я читаю, одна так и называется: «Жалобы больного». Ее основная идея – с пациентом надо разговаривать! Хороший доктор позволит ему рассказать все, что тот сам захочет. А потом еще и вопросы задаст, и вопросы эти будут касаться разных сторон жизни больного. Наверно, это похоже на журналистику. Подозреваю, что у многих коллег такое сравнение вызовет бурный смех. Дескать, а если у тебя, как на приеме в поликлинике, 12 минут на пациента от «здрасте» до назначений? Ну – значит, будет как в булочной. Мне это знакомо. Одно из ярких впечатлений от самых-самых первых шагов в медицине: четвертый

курс института, зима, эпидемия. Нас в первый раз снимают с занятий «на грипп». Не без страха иду на свой первый квартирный вызов. Думаю о том, как меня спросит ко всему привычный больной: «Будете руки мыть, доктор»? И я гордо скажу: «Конечно, что за странный вопрос!» Звоню в дверь, захожу... и дожидаюсь: «Пальто снимать будете?»

Свою самую первую – и очень болезненную – шишку из-за того, что был недостаточно внимателен и не заслужил доверия пациентки, набил еще на первой врачебной практике после четвертого курса, в городе Лодейное Поле. Часть практики, как положено, проходила в поликлинике. Мы сидели на амбулаторном приеме, посещали больных «на дому» (всегда нравилось это словосочетание, всем привычное, но не имеющее отношения к русскому языку). Такая вполне рутинная работа: в основном сопли, кашель, температура... что еще могут доверить будущему доктору? Ну, вот: один из таких вызовов – к девочке 17-ти лет. Особа мне попалась не слишком разговорчивая. Жалобы на плохое самочувствие да на температуру 37,5. Ну – диагноз ОРЗ, ясное дело, и соответствующие назначения. А утром, придя в поликлинику, узнаю, что вчера вечером девочка была госпитализирована «скорой» с диагнозом «криминальный аборт». Представляете, КАК она хотела, чтобы я САМ догадался, САМ задал правильные вопросы?

А еще существует проблема общения с больными, которые тебе неприятны. Чего скрывать, бывает такое. К примеру, приходишь во время обхода на отделении к пациенту, у которого на тумбочке у кровати лежит

газета «Завтра», в девичестве «День». Лечащий доктор начинает тебе что-то рассказывать, показывать кардиограммы и т.д. Думаете, просто переключиться на мысли о здоровье больного? А надо!

Или, скажем, такая ситуация. Есть у меня пациент – генеральный директор большого предприятия. Человек лет пятидесяти пяти, на визитной карточке – всякие замечательные слова о том, что он кандидат наук и заслуженный специалист (не будем раскрывать специальность) России. Вид у него – можно сказать классический. Пиджак, правда, не красный, но в остальном – все как положено. Это человек невысокого роста, почти квадратный, нос сломан, уши борцовские, пельменями, затылок – бритый и «золотая цепь» – выдающихся размеров. Лицо не обезображено интеллектом, зато приезжает он на автомобиле «BMW» 7-й модели, а за ним следует большой джип (в смысле, настоящий «Jeep») с охраной. Обычно двое охранников (включая водителя) остаются в машине, один – при входе в больницу, а еще один – постоянно за спиной моего больного. Недавно, когда мой «браток» приехал на очередной осмотр, одна из санитарок решила оказать мне любезность и, увидев меня, издали прокричала: «Юрий Викторович, Ваш бандит приехал!»

Что-ж теперь, не лечить его? Жизнь довольно быстро научила меня, как относиться к неприятным пациентам. Могу поделиться. Вот вам первая история на эту тему. Итак, городская больница. Инфарктное отделение. Блок интенсивной терапии и реанимации, которым я заведовал. «Скорая» привозит пожилую женщину с подозрением на инфаркт мио-

карда. Знакомый врач, который ее привез, «на ушко» говорит: «Извини, нет здесь никакого инфаркта, но «достала» тетка так, что легче госпитализировать. Так что мужайся, коллега». Мужаться пришлось с первой же минуты общения. Плохо было все: неопрятные санитарки, криворукие сестры, тупые врачи, несвежее белье, плохие лекарства, старая аппаратура. Немного утешало то, что и все остальное было отвратительно: город грязный, соседи алкоголики, сын мерзавец... Лежала она у нас в блоке интенсивной терапии два дня, при обследовании – никаких проблем. Перевел я ее на отделение, не скрывая своей радости и сильно сочувствуя ее новому доктору. Ночью она умерла. Мне назло, надо полагать.

Смерть пациента – очень дорогая цена за врачебный опыт. Тогда, 25 лет назад, я усвоил очень важную вещь: если перед тобой больной человек – засунь свои отрицательные эмоции в ... в общем, подальше: ты на них не имеешь права. Понять это – уже немало. Теперь, когда мне за пятьдесят, я знаю, ПОЧЕМУ моя больная стала такой. Для доктора это еще важнее.

Вторая история не такая печальная. Речь опять о женщине, на этот раз – лет сорока с небольшим. Вот в реанимации ей точно делать было нечего, она лечилась на кардиологическом отделении. И потихонечку «доводила» своего палатного врача. Она ежедневно писала жалобы: в самые разные инстанции, не только медицинские. Точно помню, что Президиум Совета министров СССР и ЦК КПСС были в курсе нашей больной жизни. Самым мелким адресатом был наш главный врач. И это

была единственная инстанция, с которой наша больная общалась устно, а не письменно. Каждый день. Уже и заведующий отделением, и лечащий врач получили по своему законному выговору – а как иначе? На сигналы надо реагировать. Мне посчастливилось оказаться в приемной главного врача во время последнего визита этой дамы. В кабинете находился еще и заведующий отделением. Больная визжала, до меня доносились обрывки этого визга: «... В окнах щели с палец... помой на обед ... крысы с меня ростом ... тараканы везде, один сегодня в ухо заполз ...». Распахнулась дверь, уверенной поступью больная миновала приемную и вышла. Следом вылетел главный врач с пунцовым лицом. Брызгая слюнями, он проорал семящему за ним заведующему: «ЛЮРу покажи эту стерлядь (образованный человек: помните этот неологизм, придуманный одним из персонажей Михаила Чулаки и означающий гибрид стервы и падшей женщины?), чтобы еще одну жалобу не написала, и выписывай к ...ной матери!»

Полчаса спустя, случайно проходя мимо ЛОР-кабинета, услышал сдавленные всхлипывания. Захожу. Сидит наш «ухо-горло-нос», одна. Лицо в коленях, плечи вздрагивают. Вот, думаю, дрянь какая, и эту довела! Ласково кладу руку на плечо, чтобы как-то успокоить. А та поднимает голову, и я вижу, что у нее истерика и слезы текут, ... но от смеха!! Молча показывает на столик для инструментов, где лежит марля. Посередине марли – усопшее дитя таракана, миллиметра два, не больше. Продолжая всхлипывать, ЛОР говорит: «Из уха вашей больной достала!»

Но хватит о «неприятных» пациентах: все-таки гораздо чаще приходится иметь дело с симпатичными и милыми людьми. Очень важная штука, между прочим – это доверие больного. Проблема серьезная: пациент должен чувствовать, что врач хочет и – самое главное – может ему помочь. Дело за малым: врач должен сам чувствовать в себе такую способность. Можете не сомневаться: эта уверенность передается. Однако и абсолютное доверие – не всегда благо и порой приводит к смешным ситуациям. Ну вот, например. В клинику поступает пожилой человек, профессор Политехнического университета, интеллигент и умница. У него впервые в жизни мерцательная аритмия, но длится она уже два месяца. Плохо ему: одышка, слабость, сердцебиение. Поступил для восстановления синусового ритма, а эта процедура требует определенной подготовки. На второй день его пребывания у нас – мой обход. Заходим в палату – лечащий доктор, заведующая отделением и я. Сначала доктор рассказывает о больном, потом я слушаю сердце фонендоскопом и достаю кардиоскоп (это такое портативное устройство, чтобы посмотреть на маленьком экране кардиограмму), прикладываю его к грудной клетке... и в этот момент синусовый ритм у больного восстанавливается. Он это сразу чувствует, а я шучу: «Видите, как все просто!» Шутка оказалась неудачной. Как я потом ни пытался убедить уважаемого профессора, что это совпадение, он мне так до конца и не поверил. Еще и рассказывал об этой истории всем подряд. До сих пор к нам приходят люди, уверенные в том, что у нас есть специальный прибор, чудесным образом прекращающий приступы

мерцательной аритмии.

Бывает, кстати, еще проще. Поступает в клинику больной с каким-нибудь нарушением сердечного ритма (чаще всего – с той же мерцательной аритмией), его начинают лечить таблетками или капельницу поставят. В разгар этих хлопот заходишь в палату, чтобы познакомиться с пациентом. Сядишься рядышком на стул, начинаешь его расспрашивать и заодно берешь за руку, чтобы пульс посчитать. И в этот самый момент у него восстанавливается долгожданный синусовый ритм. Вот попробуйте объяснить после этого больному, что «наложением рук» мы не лечим!

Хотите еще о доверии? Не так давно приходит ко мне мой давний пациент, ставший за годы знакомства хорошим приятелем. Мы на «ты», естественно. Сидим у меня в кабинете, пьем кофе, болтаем о наших общих знакомых (тоже преимущественно моих больных). И вдруг он меня спрашивает: «Слушай, а мне ведь пора, наверно, снова делать коронарографию? После первой уже больше 10 лет прошло». Если кто-то не в курсе: коронарография – это контрастное исследование проходимости сосудов сердца, штука вполне рутинная, но все же не совсем безобидная. Риск осложнений пусть минимальный, но все же имеется. Вопрос на самом деле смешной, потому что показаний у моего приятеля к этой процедуре – ну никаких. Честно ему это сообщаю, а потом спрашиваю: «Я помню, ты мне говорил, что тебе коронарографию делали когда-то. А, извиняюсь, зачем, не помнишь?» И он мне рассказал совершенно очаровательную историю.

Дело было так. В одном весьма уважаемом медицинском учреждении города был прооперирован наш общий хороший знакомый. Делали ему достаточно серьезную и тяжелую операцию на сердце. Спустя некоторое время, когда уже стало понятно, что операция прошла вполне успешно, мой пациент пошел навестить своего друга, не забыв при этом бутылку хорошего коньяка, как это принято, для хирурга. Знакомство с хирургом состоялось. Так как рабочий день уже закончился, мой приятель – человек обаятельный, располагающий к себе – был приглашен к совместной дегустации. «Хорошо сидели» они, насколько я в курсе, вчетвером. Обсуждали, естественно, проблемы кардиохирургии. Не знаю, на каком этапе общения (у хирургов ведь с напитками все вполне благополучно: всегда полный шкаф) один из докторов спросил: «С-слушай, а т-тебе сколько лет-то»? – «Сорок», честно ответил мой будущий пациент. – «Ну так пора делать коронарографию, п-шли...». И ведь сделали! Возможно, это была первая амбулаторная коронарография в нашей стране.

А иногда больного, который тебе доверяет, приходится обманывать. Во спасение, конечно. Поступил к нам в клинику однажды тяжелый больной, здоровый такой мужик – директор завода из Башкирии, лет 50-ти, весом 160 кило. После инфаркта миокарда у него возникали приступы желудочковой тахикардии, опасной для жизни аритмии. В Москве, в институте Бакулева, ему была сделана операция на сердце и имплантирован кардиовертер-дефибриллятор: специальный аппарат для прекращения приступов тахикардии электрическим разрядом. Это замечательное

устройство срабатывало раз за разом, спасая жизнь нашему больному, а подобрать лекарство для того, чтобы приступы не возникали, никак не удавалось. Какие только препараты ему ни назначали – все мимо.

В общем, состояние человека – сами понимаете. Во-первых, электрический разряд – это очень больно. Во-вторых, прибор рассчитан на определенное количество таких разрядов. А дальше что? В-третьих – а вдруг однажды не сработает? В общем, появилась у нас на отделении бо-о-ольшая головная боль. Ничего не удавалось сделать. Одно время я даже перестал машину на стоянку ставить: только приедешь домой – из клиники звонят, опять клиническая смерть у нашего пациента. Один из своих дней рождения так и провел. Собрались вечером друзья, успели мы выпить по первой рюмке. Тут звонок из клиники. Вернулся под утро. Естественно, все гости разошлись, правда, к моему облегчению, выпив и съев все, что было.

Не буду долго рассказывать, как мы пытались придумать лечение. Скажу только, что самый эффективный препарат, который мы могли назначить, больной категорически не переносил. Удушье у него возникало. Да и не мы одни такие умные. До нас уже трижды в разных клиниках пытались его назначить: и в Башкирии, и в Москве, и в Питере - и все без толку. Вот только появилось у меня подозрение, что просто решил человек: не переношу этот препарат, и все тут! И я придумал военную хитрость. Пригласил больного к себе и говорю: «Есть у меня возможность, дорогой товарищ, включить Вас в программу клинических испытаний абсолют-

но нового и стр-р-рашно эффективного антиаритмического препарата». А надо сказать, что такие клинические испытания у нас и в самом деле в это время проводились, только касались они совершенно другой аритмии. В общем, дал я ему подписать липовый американский документ под названием «информированное согласие на участие в клинических испытаниях», и со следующего дня мы, благословясь, начали. Первое время у меня в кабинете по утрам собирались почти все сотрудники. Давясь от смеха, наблюдали они с большим интересом за следующими моими действиями. Я брал капсулы индифферентного белого цвета, вытряхивал в пепельницу то лекарство, которое там находилось, заталкивал в капсулу лекарство, которое наш больной, якобы, не переносил, и снова ее закрывал. После этого сам торжественно относил «чудо-лекарство» в палату, где больной его при мне принимал. Начали мы с одной восьмой части таблетки, потом потихонечку стали увеличивать дозу. На каком-то этапе больной начал жаловаться, что после приема препарата с ним «что-то не то», но мы быстро договорились, что ради такого замечательного лекарства стоит потерпеть. Так неспешно, шаг за шагом, мы увеличили дозу до 3-х таблеток: именно столько и было ему необходимо. В это самое время до больного, наконец, «дошло», что я морочу ему голову. Обиделся он страшно, но было уже поздно: с одной стороны стало понятно, что препарат очень эффективен, с другой – что переносится он вполне прилично. Так что помирились мы быстро.

Еще одна актуальная тема для баек – это питание в клинике. Баналь-

ные случаи несанкционированной выпивки рассматривать не будем: у нас с этим строго, выписываем беспощадно. Но вот как быть, например, с лекарствами? Хотите эксперимент? Зайдите в вестибюль какой-нибудь больницы, подойдите к аптечному пункту (раньше это называлось «аптечный ларек») и немножко понаблюдайте. Вы увидите, как довольно часто к окошку подходят суровые мужчины, как из числа больных, так и из обслуживающего персонала. Их отличает то, что они ничего не спрашивают: молча протягивают деньги, так же молча получают пузырек с лекарством. Или три. Или пять. Или десять. Догадались, что покупают граждане? Это популярное лекарство называется «Настойка овса». В соответствии с аннотацией оно обладает чрезвычайно полезными свойствами: увеличивает физическую и умственную работоспособность. А содержит это чудодейственное лекарство траву овса посевного и ... ну? правильно! Спирт этиловый 40%. Вот он, секрет популярности.

Но просто об алкахах – неинтересно: выпивать надо интеллигентно. Хорошо помню, как два ученых мужа, попавшие к нам на лечение в одну палату (профессор образовательного учреждения и старший научный сотрудник научно-исследовательского), засидевшись за «лечением» допоздна, завели высоконаучный спор о том, сможет ли один из них спуститься по скрученным и связанным простыням из окна на свободу. Свобода нужна была для приобретения в дежурной аптеке другого, еще более эффективного лекарства под названием «Настойка боярышника». Необыкновенно высокая эффективность этого лекарства связана с тем,

что плоды боярышника настаивают не на 40%, а на 70% спирте. К счастью, это был всего 2-й этаж, но в результате нас покинули оба собеседника. Один из них уехал в травматологическое отделение со сломанной рукой, другой – нах хаузе со справкой о нарушении больничного режима.

Мы ведь и сами даем рекомендации по употреблению спиртных напитков: давно известно, что алкоголь можно использовать для профилактики атеросклероза. Одному из моих больных я давал «алкогольные» рекомендации перед очередной его поездкой в отпуск, во Францию. Он понял, что лучше всего употреблять красное сухое вино, но вот в отношении дозы у него как-то в голове не отложилось: думаю, слова «один бокал в день» отторглись на уровне подсознания как чужеродные, противоестественные. Исключительно для здоровья мой пациент в течение 3-х недель употреблял 4 (для тех, кто не понял, пишу прописью - четыре) литра вина в день. Это, между прочим, 20 стаканов. Ухудшение самочувствия после отпуска он объяснял вредным для него французским климатом.

Вообще наши люди за границей – отдельная тема. Иногда ведь приходится отправлять пациентов (если они этого очень сильно хотят, естественно), например, оперироваться. Не всегда, между прочим, больные едут на чужбину «по делу». Некоторые, имея соответствующую финансовую возможность, просто «надувают щеки». Объяснить им, что в Питере вот именно с их болячкой помощь окажут не хуже, невозможно.

Несколько лет назад к нам на обследование попал 30-летний парень,

известный спортсмен. Выяснилось, что с детства он страдал приступами сердцебиения, но сказать о них боялся. Причина понятна, надеюсь? Здоровый спортсмен стоит существенно дороже, чем нездоровый. Этот несчастный и дальше продолжал бы маскироваться и участвовать в своих соревнованиях с пульсом за 200 ударов в минуту. Но очередной приступ с ним случился akurat во время планового обследования, после чего его и доставили к нам практически под конвоем. Проблема у парня оказалась несложной: она радикально и без последствий решалась с помощью небольшой операции, которую в Петербурге выполняем и мы, и еще штук пять клиник. Но наш подопечный поехал в Германию, в Гамбург, в самую «крутую» клинику! Пришлось туда специально звонить и объяснять ситуацию, чтобы нас не считали идиотами.

В общем, как в известном анекдоте про «новых русских». Встречаются они случайно в Париже, первый хвастается: «Смотри, какие часы купил за двадцать тысяч!» Второй отвечает: «Дурень, я за углом такие же за сорок видел». Один мой больной из этой категории российских граждан – знай наших! – после успешно проведенной в Германии операции пригласил всех врачей отделения с женами в самый дорогой ресторан города. Знаете, что самое забавное? Они ВСЕ пришли!

Нет, правда, наши больные, думаю, добавили немало ярких красок в серые рабочие будни зарубежных коллег. Да и благосостояние их, надо полагать, увеличили в немалой степени. Это я без зависти. Вот, например, один из пациентов нашей клиники уехал в солнечный Израиль: именно

там он захотел делать операцию аортокоронарного шунтирования. Уехал этот человек в частную клинику города Хайфа. К «нашим» там относятся с большим уважением, главное, чтобы предоплата была 100%. Сделали ему, как положено, коронарографию. И тут оказалось, что никакой операции больному делать не надо, нет показаний! Ну, повезло человеку, можно искупаться и ехать домой! Вот тут и состоялся у него разговор с директором клиники. «Слушай, сказал директор: ты ведь деньги уже перевел? Представляешь, какая головная боль их теперь переводить обратно? Давай лучше мы тебя обследуем по полной программе. Да, ты ведь с женой приехал? Так мы за эти деньги и ее обследуем, не волнуйся. Кстати, и отдохнете у нас: море, гора Кармель, Бахайский храм с Персидскими садами...». В результате обследования наш больной вместе с деньгами лишился желчного пузыря. А у жены на компьютерной томографии обнаружили опухоль головного мозга. И прооперировали ее интраназально, то есть через нос, малоинвазивным путем. А ведь погибла бы! Ну, правда, и доплатить им пришлось еще столько же примерно, сколько уже было заплачено.

Между прочим, у российских граждан совершенно исчезли комплексы, связанные с незнанием языка той страны, в которую они приезжают. Ну, или хотя бы английского. Однако одно дело, если ты поехал в Турцию или Испанию на солнышке греться: в ресторане или гостинице нашим людям пальцев одной руки (веером) бывает вполне достаточно. Другое дело – если едешь лечиться: тут уж или сам должен знать язык, или со-

проводящего бери, или в той клинике, куда приехал, кто-то должен говорить по-русски. Один из моих больных чуть было не остался на операционном столе из-за того, что в школе плохо учился. Я его отправлял в очень приличную клинику в Германии, хорошо понимая, что он и по-русски-то объясняется с некоторым трудом, делая большие паузы между словами. Чем эти паузы он заполнял, разговаривая у себя дома, я точно знаю. Примечательна весьма экзотическая, просто шекспировская история его заболевания. На каком-то этапе совместной жизни его жена, фармацевт по специальности, решила моего будущего пациента отравить. Из ревности. Использовала она для этого атропин (между прочим, препарат группы «А», то есть строгой учетности). Этот атропин она подливала ему продолжительное время во всякую разную еду: в суп там или компот, я уж и не знаю. Ну, помереть-то не помер, а вот мерцательную аритмию приобрел. К нам он приехал из далекого города Нефтеюганска, причем к моменту знакомства уже совершенно точно знал, что ему нужна операция в Германии. При малейшей попытке усомниться в целесообразности его решения он повторял: о деньгах не беспокойтесь! Да мы, собственно, и не беспокоились. Это был далеко не первый больной из Нефтеюганска, лаконичный герб которого нам уже был знаком: нефтяная вышка, три трубы нефтепровода и четыре елки. Что ж, показания к операции у больного были. Как и положено нынче в приличных клиниках Германии, русскоязычный сотрудник его встретил в аэропорту, привез в больницу и разместил в палате. Все было замечательно до самой операции: в этот

момент переводчик простудился и заболел. Собственно, никаких разговоров уже не требовалось. С утра больного побрили и уложили на операционный стол. На каком-то этапе наш нефтяной магнат почувствовал себя плохо, но сказать-то об этом стеснялся, так как – вы помните – и по-русски не без труда. В общем, хорошо, что оперирующий доктор был классным специалистом: быстро понял, что с пациентом проблемы. Оказалось – небольшая дырка в сердечной мышце и кровотечение в полость околосердечной сумки. Все закончилось хорошо, но, как говорится, были варианты.

Припасена у меня на эту тему и более печальная история: о том, как один из моих пациентов отдыхал в Испании. Очень тяжелый больной, мужественный человек, неординарная личность. Помимо кардиологических неприятностей (недавно перенес инфаркт миокарда и операцию на сердце), у него был хронический лимфолейкоз (рак лимфатической ткани) в четвертой – самой последней – стадии, а меньше года назад он перенес операцию еще и по поводу рака легких с метастазами. Несколько лет подряд этот человек – ну просто страстно – хотел уехать хотя бы ненадолго на берег моря, в Испанию, отдохнуть с женой и детьми. Постоянно говорил об этом, но никак не удавалось: то одна неприятность со здоровьем, то другая, то операция на легких, то на сердце... В общем, после кардиологической операции он твердо решил, что в Испанию они все-таки поедут, и у меня не хватило душевных сил его в очередной раз отговаривать, так как я хорошо понимал, что жить ему

осталось совсем немного.

Два дня отдыха ему всего и досталось. Он успел позвонить и рассказать, как хорошо ему там, на пляже, на берегу моря. А на третий день позвонила жена и сказала, что больному моему плохо. Я задал положенные вопросы, понял, что это инсульт и велел везти его в больницу. Что будет дальше – я примерно уже понимал и мог только посочувствовать испанскому коллеге. Представьте: привозят вам больного. Ни он, ни жена по-английски – ни слова. Что делают в больнице в первую очередь? Правильно, снимают кардиограмму. Доктору при виде этой кардиограммы сразу делается нехорошо. Жена больного звонит мне по телефону и передает трубку доктору. Английский у нас с ним одинаково плохой, но кое-как объясняю, что те неприятные вещи, которые он видит, это не новость, а следствие недавно перенесенного инфаркта миокарда и последующей операции. Ну, а заниматься надо лечением инсульта, который как раз – вот только-только. Дальше – что? Поспевают результаты анализа крови. Доктор смотрит – ему еще хуже: он такого количества лимфоцитов никогда не встречал. Опять звонок по телефону. «Спокойно – говорю – эти ужасы у пациента уже лет пятнадцать по причине хронического лимфолейкоза. Инсульт лечите, мы-ж договорились!»! Следующим номером программы – обзорный снимок органов грудной клетки. А там, в легких, места живого нет. И снова звонок из Испании... Так и общались до тех пор, пока коллега не понял, какое из четырех опасных для жизни заболеваний ему надо лечить.

Ну, надо вспомнить хоть что-то не такое печальное. Вот помните, я писал об интересных людях, с которыми приходится общаться доктору? Мне всегда везло. Среди моих пациентов – писатели и поэты, режиссеры и художники, актеры и музыканты, большие спортсмены и священнослужители... То, что с ними порой случаются интересные истории, вы уже поняли. А какие истории иногда рассказывают они сами!

Одна из любимых тем для разговоров в ординаторской за чаем – «болевание» в нашей клинике одного очень известного, да что там – великого кинорежиссера. Знаете, есть такие яркие люди, которые мгновенно становятся центром внимания, где бы ни оказались. Началось все с наведения уюта. По представлениям пациента, естественно. В небольшую в общем-то двухместную палату, которая была им определена на двоих с женой, по его распоряжению приперли из дома серьезных таких размеров кресло. Еще один компонент комфортного для режиссера существования постоянно находился перед входом в стационар. Это был ленфильмовский студийный «Рафик»: будучи в силах и в настроении, мэтр «отъезжал» на съемки. При этом он умудрялся оставаться скромным, абсолютно некапризным и неконфликтным человеком, совершенно без претензий. Каждого обхода я ждал с нетерпением. Вот уж кто умел и любил рассказывать байки, так это наш пациент. Собственно говоря, его острый язык известен всей России, об этом легенды сложены. Но совсем другое дело, когда эпос рождается в твоём присутствии. Никаких баек он не рассказывал специально: он ими разговаривал. Ну, например, захожу в палату и слышу обрывок телефонного

разговора (из которого вы сможете определить, к какому ведомству относится одна из наших клинических баз): «Дорогой, приезжай в гости, здесь так интересно! Они тут в подвале Берию клонируют!»

Вот вам одна из баек, услышанных во время врачебного обхода. Заметьте, это все в контексте неспешной беседы о том, что здоровье не очень, а надо работать, съемки затягиваются; о том, как трудно найти нужный типаж для эпизодической роли; о том, как отвлекают всякие парадные мероприятия... «Вот недавно получил приглашение из Мариинского театра посетить в качестве почетного гостя премьеру фильма, ну этого, про подводную лодку (это он об американском фильме «К-19»). Читаю внимательно. Потом печатаю два ответа и отправляю факсом.

Первый – Гергиеву, Художественному руководителю: – дорогой Валерий Абисалович! Сердечно благодарю за Ваше любезное приглашение на премьеру фильма, рад поздравить Вас с очередной творческой удачей (Гергиев с оркестром Мариинского театра записывал саунд-трек к фильму). К сожалению, в настоящее время нездоров, поэтому приехать не смогу. С наилучшими пожеланиями, Ваш ...

Второй – директору Мариинского театра: - за столько лет мне довольно часто приходилось сталкиваться с хамством чиновников. Однако не думал, что какому-то невеже до сих пор неизвестно, что презентации я посещаю только с женой. Приглашения на одно лицо мне не присылают! Через 5 минут – телефон, Гергиев звонит: “Дорогой ...! Мы Вас любим и ждем вместе с супругой, пожалуйста, приходите. Только, я Вас умоляю,

запомните: в Мариинском театре я работаю и Художественным руководителем, и директором”!»!

Конечно, в пересказе эти истории многое теряют, не обессудьте. Вот вам еще одна, последняя, совсем недавняя байка, рассказанная режиссером у него дома.

«...Придется нам, Юрий Викторович, искать другую квартиру»! – «А что случилось-то?» - «Да соседи меня ненавидят! Понимаете, когда мы переехали в этот дом, то первым делом в подъезде поставили новую дверь: хорошую, железную, с кодовым замком. А то двери настезь и грязь такая – сил нет. Заказали ключики магнитные, всем раздали – и нам хорошо, и соседям. Однако немного времени проходит – смотрю – сначала замок сломали. Потом одну створку выломали. А не так давно прихожу – совсем двери снесли. Спрашиваю соседа: в чем дело? Оказывается, им, подлецам, так удобнее: не надо думать, что ключ забудешь. Говорю ему: так ведь загадят лестницу снова? Да и ладно – отвечает - нам без разницы. Очень я расстроился: не хочу в свинарнике жить. И тут появилась у меня идея: попросил я своего приятеля-хирурга принести мне шприцов использованных и ваты. Поздно вечером разбросал все это на лестнице. Утром – звонок в дверь, делегация: неприятности у нас – говорят соседи. Лестницу нашу наркоманы облюбовали. Я им: ну так я ж хотел как лучше, а вы двери ломаете. Давайте договоримся так: я снова хорошие двери куплю, на свои деньги поставлю, но уж вы их больше не ломайте! Согласны – говорят соседи. Ну, выбрал я снова хорошие двери, собрался

заказывать. Но вечером – снова звонок в дверь, снова соседи стоят. Мы, говорят, передумали: не надо нам никаких дверей. Ну почему же – спрашиваю: ведь наркоманы? А мы все лампочки в подъезде разбили – говорят соседи. Они теперь в вену не попадут!»!

Да, мои больные – они разные: умные и не очень, добрые и злые, интеллигентные, грубые, застенчивые, самоуверенные, ранимые, напористые... Я им нужен, но и мне без них – никуда. Мне приятно каждый день приходиться на работу, надевать халат, вешать фонендоскоп на шею. И пациенты это чувствуют, потому что – помните фразу одного из главных героев фильма «Мимино»? – «...если мне будет приятно, я тебя так доведу, что тебе тоже будет приятно»!

Все! То есть, конечно, не все: как говорится, не дождетесь... Это ведь не завещание и даже не мемуары. Просто взял в руки калейдоскоп, повернул колесико, и получилось то, что вы прочитали. Так сложились маленькие разноцветные стеклышки – кусочки моей жизни. Этих стеклышек у меня в запасе еще много; появятся, надеюсь, и новые.

Кому нужны эти байки? Да мне, конечно, для того, чтобы... впрочем, вернитесь к словам Лены Павлицкой, и поймете.

Идет время. Давно умер Сан-Саныч Бурдынский, старый доктор БИТ, с которым я ездил в свободные от работы сутки и учился быть хорошим врачом «скорой».

Нет с нами директора Института: он для меня не написанная недавно икона, а светлый человек, который мог просто забежать к тебе в

кабинет, стрельнуть сигаретку и поболтать минут пять, не обязательно о кардиологии.

И Учителя давно нет. Он умирал у нас в клинике от дыхательной недостаточности тяжело и мучительно, с чувством горечи и обиды на многих забывших его учеников и друзей, до последнего своего дня в одной руке держа сигарету, а в другой – кислородный баллон.

Зияют прорехи в ряду моих друзей, с которыми мы были на Памире и Тянь-Шане, на Кавказе и в Хибинах.

И больные мои, ох – не все они живы, не все: у каждого доктора, как известно, свое кладбище. Мое – немаленькое, за тридцать-то лет работы. Но ведь это, наверно, правильно, если обо всех этих людях вспоминается хорошее и нескучное, без слезы и надрыва?

И все-таки завершить эти «врачебные байки» я – человек, увы, неверующий – хотел бы не шуткой, а вполне серьезно: известной с XII века ежедневной молитвой врача.

«Господи! Не допускай, чтобы жажда наживы и славы руководила мною в практической работе... Укрепи силы моего сердца так, чтобы оно могло одинаково реагировать на страдания бедного и богатого, добро и зло, помогать одинаково другу и врагу. Научи меня, Всемогущий, терпеливости и спокойствию, когда больной непослушен или оскорбляет, сделай меня умеренным во всех моих суждениях и действиях, но только не в знаниях, ибо в последнем я хочу остаться ненасытным, и пускай далекой от меня останется мысль о том, что я все знаю и умею....».

Автор в который раз благодарит Александра Владимировича Крепака, а также Группу компаний «Sanofi-Aventis» и ЗАО «Синто» за помощь в издании книги.

Иллюстрировал книгу
художник Казбеков Латиф Кожахметович
помогал ему сын, Марат Латифович

Юрий Шубик

Докторская колбаса / Санкт-Петербург, 2010. – 148 с.

ISBN 000-0-0000-0000-0

© Шубик Ю., 2010

© Верстка и подготовка к печати «QuasiGraphic», 2010